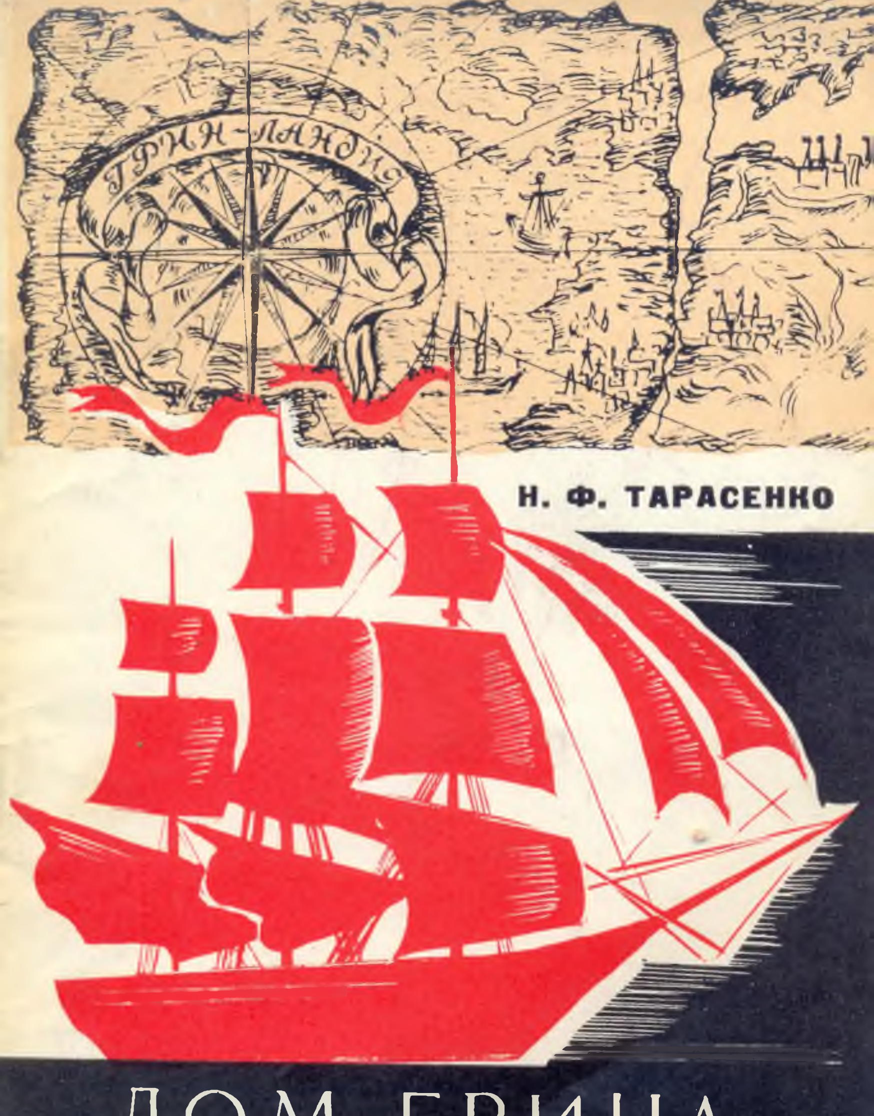

ДОМ ГРИНА

Н. Ф. ТАРАСЕНКО

ДОМ ГРИНА

Очерк-путеводитель
по музею А. С. Грина в Феодосии
и филиалу музея в Старом Крыму

Издательство «Таврия»
Симферополь — 1976

8(069)
T19

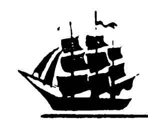
Автор очерка-путеводителя писатель Николай Тарасенко рассказывает о феодосийском Доме-музее А. С. Грина и о его филиале в Старом Крыму, о жизненном и творческом пути знаменитого романтика, открывшего людям сказочные города, создавшего «Алые паруса», «Блистающий мир», «Бегущую по волнам» и другие замечательные произведения.

Т $\frac{20904-015}{М216(04)-76}$ 41-76

Издательство «Таврия» · 1976

В ФЕОДОСИИ, НА ГАЛЕРЕЙНОЙ

10 мая 1924 года на вокзал города Феодосии прибыл ленинградский поезд. Из вагона вышел высокий мужчина в шляпе, очень худой, с изможденным, в крупных складках, лицом.

Это был «беллетрист Грин», как он сам себя тогда называл[1*], автор феерии «Алые паруса», романа «Блистающий мир» и столь же необычных рассказов.

С ним две женщины: жена и ее мать. У всех троих дорожные вещи: баулы, чемоданы, корзинки. Негромоздкий этот багаж наводил на мысль о намерении хозяев отдохнуть месяц-другой, подлечиться и подышать морским воздухом.

Но нет. Они переезжали в Феодосию навсегда, и все их имущество — с ними: остальное кое-как распродано перед отъездом.

Грин думал о нездоровье жены, та беспокоилась о муже, веря, что в Феодосии, на берегу Черного моря, Александру Степановичу будет лучше во всех отношениях[2], — так, взаимной заботой, решилась эта поездка, а вместе с тем и дальнейшая творческая судьба одного из самых удивительных наших писателей.

Остановились в гостинице «Астория». Недели через две подыскали недорогую комнату — полуподвал с низким потолком, с подоконниками на уровне тротуара, каких было немало в старой Феодосии.

Все здесь нравилось: «сказочная» дешевизна продуктов на рынке, морской порт, напротив которого поместился кабачок «Серый медведь», пологие склоны Тепе-Оба и — мо-

---

* См. в конце книги (раздел «Примечания, источники»).

ре, день и ночь море, совсем рядом, на всю оставшуюся жизнь. Навсегда.

Вскорости Грины перебираются в небольшую трехкомнатную квартиру на Галерейной, 8 (теперь — 10) — ту самую, где сегодня находится литературно-мемориальный музей писателя. Одноэтажный дом в ряду похожих на него таких же зданий с двускатной крышей под красной изогнутой черепицей «татаркой» (музей, впрочем, перекрыт новым железом) выглядит почти так же, как пятьдесят лет назад.

Вот что сообщает жена писателя Нина Николаевна о расположении и тогдашнем назначении комнат:

«Теперь у нас была довольно большая полутемная столовая, комната побольше для работы Александра Степановича (в ней же мы и спали) и совсем крошечная — для мамы, а внизу — шесть ступенек — большая, низкая, разлаписто живописная кухня. Если Александр Степанович работал поздно вечером, он уходил из кабинета в столовую, чтобы не мешать мне курением. Через несколько месяцев нам удалось присоединить к нашей квартире еще одну совсем изолированную комнату, которая стала рабочей комнатой Александра Степановича... В этой квартире мы прожили четыре хороших, ласковых года»[3].

Писатель тяжкой судьбы, временами просто трагичной, скажет о себе здесь, в Феодосии, что-то совсем новое: «Если есть сейчас подлинно счастливый человек, так это я самый и есть»[4].

Шесть лет прожил Грин в Феодосии: четыре года — в квартире на Галерейной, 10, остальные два — в квартире одноэтажного углового дома по ул. Куйбышева, 31 (бывшая Верхне-Лазаретная, 7).

За это время появились романы «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда», написано множество рассказов, начата «Автобиографическая повесть» — не менее половины всего созданного А. Грином пришлось на феодосийский период его жизни.

«ДОМ КАПИТАНА». ОДНА ИЗ ЛЕГЕНД

Естественно, что музей А. С. Грина решено было открыть в Феодосии, в квартире писателя на Галерейной. Среди множества трудностей, возникших перед организаторами музея, было полное отсутствие мемориальных вещей, вообще всяких следов пребывания здесь писателя-романтика: сорок лет подряд в доме жили другие люди. В то же время романтическая гриновская тема требовала иного, не типового решения, со своими средствами и приемами, не похожими на экспозиционные интерьеры, скажем, чеховского Дома-музея в Ялте или музея Сергеева-Ценского в Алуште.

Оригинальный и, можно сказать, у нас единственный в этом роде проект оформления музея[5] создал известный московский художник С. Г. Бродский. Он же и осуществил свой проект.

Музей оформлен как некий символический гриновский корабль; экспозиционные комнаты призваны смотреться как части этого корабля: «Трюм», «Каюта капитана», «Корабельная библиотека»... Экспозиционный материал — прижизненные издания книг писателя, фотографии, копии рукописей и так далее — поступал из самых различных источников. Часть материалов передала Н. Н. Грин, помогли музею и архивы, особенно ЦГАЛИ*, кое-что удалось приобрести у организаций и частных лиц.

Работы закончены, на стене у входа укреплена мемориальная доска с барельефом писателя и надписью: «В этом доме с мая 1924 по ноябрь 1928 года жил и работал писатель-романтик Александр Грин». 9 июля 1970 года романтический гриновский корабль вышел в свое долгое и счастливое плавание.

Здесь надо сказать, что ни в бытовой обстановке, ни в одежде Александр Степанович Грин никак не подчеркивал своего пристрастия к морской экзотике. Квартира на Галерейной улице не глядела жи-

---

* ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР.

лищем матерого морского волка, как может показаться иному посетителю уже при самом входе в музей: обитая медью дубовая дверь, уцепившийся за асфальт тротуара судовой якорь со штоком, часть фок-мачты, живописные растяжки сизальского* каната...

Комнаты Грина что в Феодосии, что в Старом Крыму были обставлены предельно просто, скромно. Никаких буссолей, кусков коралла, старинных лоций. Если Ю. Олеша, а позднее К. Паустовский, приводя услышанное от других, упоминают носовую часть корабля, якобы украшавшую последнее обиталище автора «Алых парусов», то это, несомненно, лишь отголосок легенды, одной из многих легенд о Грине[6].

Желание выглядеть моряком осталось в далекой юности. Сложившийся художник смотрит иначе: ничего показного.

И, пожалуй, из посторонних разве только полицейский чиновник, по долгу службы, снимая особые приметы у политического арестанта Гриневского (настоящая фамилия А. Грина), разглядел на его обнаженной груди моряцкую татуировку — рисунок шхуны под парусами, сделанный, очевидно, в одном из дальних плаваний...

В самом деле, обратим внимание на фотографии Грина: наглухо застегнутый воротничок и почти всегда—галстук. В летней Феодосии, посреди «курортной раздетости», чего бы, кажется, не распахнуть невзначай ворот рубашки! Ничуть не бывало. Грин держится строго, даже несколько чопорно. Носит костюм сурового полотна или темносерый люстриновый. В этом смысле Грин походил на любимого им с детских лет автора «Острова сокровищ» Р. Стивенсона, который тоже не тянулся к картинности Билли Бонса или других своих героев, хотя и жил на экзотическом Самоа посреди океана[7].

Есть, впрочем, фотография 1923 года — время выхода в свет «Алых парусов», — где Грин снят в «капитанской фуражке». В музее похожая фуражка лежит на столе «Каюты капитана Геза»: однажды Грин купил такую, будучи уже в Феодосии — ради игры, улыбки[8].

Капитанка очень естественно сближалась с морскими сюжетами гриновских произведений Не тут ли начало еще одной легенды о Грине, капитане и мореплавателе?

Знакомство с музеем дает верное и наиболее полное представление о сложном жизненном и творческом пути Грина. Писатель тонкого вкуса и юмора, Грин не мог, конечно, всерьез позволить себе какую бы то ни было бутафорию. В то же время он никогда не потешался над тягой к

---

* Сизаль (по названию мексиканского города Сисаль) — грубое натуральное текстильное волокно, вырабатываемое из листьев агавы.

моряцкой внешности у своих героев, будь то юный Санди из романа «Золотая цепь» или похожий на шута ряженый старичок из рассказа «Комендант порта». Для них у автора всегда в запасе сочувствие и дружеская улыбка. Он их понимает, любит, нередко ими любуется.

Ясно, что «романтическое» оформление музея, предложенное художником, призвано показать именно гриновских героев, и не только с «видовой» стороны, но, что гораздо важнее, поведать о их внутренней, духовной жизни, с их мечтами, благородными поступками и порывами, с характерами, с враждой и любовью. Это главное угадывается в карте выдуманной страны «Гринландии», в иллюстрациях художника С. Бродского, средствами своего искусства воссоздавшего гриновские образы; оно глядит со страниц экспонируемых книг и рукописей писателя, с документов о его жизни — в конечном счете вы знакомитесь с самим писателем, доподлинным Александром Степановичем Грином, который как-то сказал и такое: «Я — это мои книги».

«ГРИНЛАНДИЯ»

«Кто хочет понять поэта, тот должен отправиться в страну поэта». Мудрые слова Гете получают особый смысл, переносный и в то же время буквальный, когда, поднявшись на три ступеньки и перейдя крыльцо невзрачного дома, вы попадаете в «страну Грина»...

Стены и потолок прихожей перекрыты расцвеченными рельефными картами-панно. Перед вами воображаемая страна с не существующими на других картах названиями городов, островов и проливов, и все же они знакомы нашему слуху: Каперна, Лисс, Покет, остров Рено... Это — «Гринландия». Так, с легкой руки критика К. Зелинского, называется страна.

Карта составлена изучавшими произведения Грина. И

все-таки ее очертания условны — иначе и не могло быть. Сказочную землю представить непросто.

Надо сказать, что «Гринландия» менялась по мере того, как писатель открывал в ней новые берега. В ранних романтических рассказах (1909—1912) мы находим ее страной тропиков с пышными экзотическими пейзажами, позднее это земля более умеренных широт, в ней много примет невыдуманного мира, тех краев, где прошла жизнь романтика.

Известно, что в городах Грина сквозят приметы реальных городов и поселков Крымского полуострова. Глядя на карту, можно обнаружить, что город Гель-Гью расположен на берегу, напоминающем очертания феодосийского берега; однако на сходство с Гель-Гью претендует и Ялта. На Гель-Гью походит Гурзуф. Грину он очень нравился, с его лесенками и переулками, нравилась «клочковатость» поселка. Наконец, уже сам писатель упоминал о некоторых чертах Севастополя в облике своих городов.

В воображении Грина его страна стояла во всей реальности. «Хочешь, я тебе сейчас расскажу, как пройти из Зурбагана в... — вспоминает В. Арнольди разговор с писателем[9]. — И Грин стал спокойно, не спеша объяснять мне, как объясняют хорошо знакомую дорогу другому, собирающемуся по ней пройти. Он упоминал о поворотах, подъемах, распутьях; указывал на ориентирующие приметы вроде группы деревьев, бросающихся в глаза строений и т. п.».

Догадываясь о сомнениях своего собеседника, Александр Степанович добавил: «Можешь когда угодно спросить меня еще раз, и я снова расскажу тебе то же самое!..» Молодой журналист улучил время, чтобы снова заговорить о зурбаганской дороге, и был поражен точностью и обстоятельностью вторичного пересказа... Да, писатель представляет свою выдуманную страну с той же отчетливостью, с какою мы видим ее сейчас на рельефной карте.

«До конца дней моих я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения», — говорил А. Грин. И он бродил по ним, открывая не только новые берега, но и, главным

образом, прекрасного человека с его верой в мечту и в счастье, — «маленькую человеческую точку с огромным, заключенным внутри миром».

«ТРЮМ ФРЕГАТА»

Переходим в коридорчик без окон. Удачная мысль назвать его «Трюм фрегата». Говорят: темно, как в трюме. Впрочем, сверху льется электрический свет, можно пройти свободно, не спотыкаясь. Можно рассмотреть прямо перед собой, над дверью, графический портрет А. Грина работы С. Бродского. На остальных трех стенах видны силуэты старинных парусников. Они вырезаны из подогнанных одна к другой, как настил палубы или обшивка, темных досок, отделанных под мореный дуб.

Обратим внимание на дверь слева от входа. Она не всегда открыта для посетителей. Положим, сегодня такой день, что можно туда войти.

В РАБОЧЕЙ КОМНАТЕ

Это единственная мемориальная комната в Доме-музее. В ней, естественно, нет ничего от художественного оформления. Рабочая комната Грина, или его кабинет, должна смотреться так, как она выглядела при жизни хозяина*. Работники музея сделали всё, что было возможно. Мебель похожа. Расположение вещей соответствует единственному достоверному и подробному описанию, оставленному женой писателя[10].

Вот оно, это описание

«Кабинет» — звучит внушительно. В действительности это неболь-

*Сохранившиеся подлинные вещи А. С. Грина находятся в старокрымском филиале музея.

шая квадратная комната с одним окном на Галерейную улицу. Убранство ее чрезвычайно скромно и просто... Направо от входа, в углу, у наружной стены, стоит небольшой старенький ломберный стол...* На столе квадратная, граненая стеклянная чернильница с медной крышкой... Электрическая лампа со светло-зеленым шелковым абажуром на бронзовом подсвечнике, простая ручка, которой Александр Степанович всегда писал, красное мраморное пресс-папье, щеточка для перьев и пачка рукописей — вот и все на письменном столе Александра Степановича. На стене над столом фотография его отца... Старинная немецкая цветная литография «Кухня ведьмы» под стеклом и несколько старых литографий... Они изображали какое-то путешествие к южноазиатским островам...**

В стене, слева от стола, — шкаф. Там лежат книги, которые Грин покупает при малейшей возможности. Преимущественно беллетристика, русская и переводная... Под книжными полками узенькая дешевая кушетка. У стола с одной стороны полукруглое рабочее кресло, с другой, у окна, — клеенчатое, мягкое. На окне белые полотняные портьеры... Все в комнате, да и во всей квартире, куплено самим Александром Степановичем.

Обратим внимание на старенький ломберный стол, квадратный метр пространства, с которого сходили в мир страницы, исписанные отчетливым почерком. Вряд ли такой стол отвечает требованиям писательской профессии. Однако Александр Степанович, привыкший работать в условиях общих квартир, в любой обстановке, иногда в шуме и многолюдье столовок и меблированных комнат, лучшего не искал и не хотел.

«Писатель за письменным столом, — это очень мастито, профессионально и неуютно. От писателя внешне должно меньше всего пахнуть писателем»[11].

Самый процесс писательства, со стороны внешней, также отличался своими особенностями. В рукописях Грина мы

---

* То есть стол, предназначенный для игры в карты («ломбер» — название старинной карточной игры).

** Как видно из воспоминаний поэта и переводчика Г. Шенгели, литографии были иллюстрациями к старинному французскому изданию плавания Дюмон-Дюрвиля. Нина Николаевна пишет, что литографии эти «навевали томительно сладкие мысли о неизвестных странах, о прекрасной, наивной, дикой жизни среди природы». На одной из них изображен был разрушенный форт. В незаконченном романе «Недотрога» А. Грин дал описание этого форта.

находим сравнительно немного помарок, зачеркиваний и всякого рода вставок. Он тщательно обдумывал фразу, мысленно представлял ее, иногда пробуя на слух, прежде чем перенести на бумагу*. Потом шла правка, в общем, незначительная.

Так, сразу набело, написались небольшие рассказы. Более крупные вещи, такие, как «Фанданго», создавались с черновиком. Романы стоили огромного напряжения творческих сил, работы фантазии, поисков верного тона — того, что он называл «входом в русло». Начало романа «Бегущая по волнам» имело сорок четыре варианта.

Гриновское определение писателя — «каторжника воображения» — подходило к нему как нельзя лучше.

А. Грин считал, что, поскольку его творения необычны, он в особенности должен быть осмотрителен и точен в рисунке характеров и в обосновании причин, по которым его герой поступает так, а не иначе. Может быть сколь угодно необычен мир обстоятельств, событий, сколь угодно причудливы цивилизация и природа, но человек с его внутренним миром должен быть естественным, настоящим. Должно верить, что он есть такой самый, даже если рядом с нами его не видно.

Поступки героев Грина близки нам, понятны. Мы в состоянии их оценить. Следя за ними и оценивая их, мы лучше постигаем свойства своей собственной натуры. Таково действие настоящего большого искусства[12].

Прижизненная критика относилась к А. Грину, за редкими исключениями, равнодушно и холодно, как к писателю третьестепенному, подражателю Эдгара По и других западных мастеров приключенческого жанра, в разные годы уко-

---

* Для постижения творческой работы писателя весьма любопытным представляется место из воспоминаний Э. Арнольди, где передано впечатление от разговоров с А. Грином: «Говорил он спокойно, не прибегая к эффектам, хотя часто речь его становилась литературной, похожей на язык его произведений. Мне запомнилась своей необычностью перебивка в его разговоре, когда он сам себя прервал, сказав, что здесь он должен «звездочкой», то есть выноской, как на странице книги, вставить замечание...»

ряя его несоответствием духу времени и уходом от жизни, не признавая за ним особого мастерства, кроме разве что умения строить сюжет.

Однако писатели, современники А. Грина, видели в нем редкое и очень своеобразное явление русской литературы, светлого романтика большой силы воздействия на душу читателя. «Грин очень талантлив. Жаль, что его так мало ценят», — говорил Горький и в трудные годы помогал ему словом и делом.

С огромной искренностью восхищались гриновским мастерством видные художники, иногда совсем на него не похожие[13].

В доме на Галерейной за ломберным столиком с потертым сукном создавалась «Бегущая по волнам»... В одном из своих писем Грин сообщает об этом словами, за которыми угадываются и многие другие его произведения, и некоторые знакомые черты личности Грина-романтика: «Я пишу — о бурях, кораблях, любви, признанной и отвергнутой, о судьбе, тайных путях души и смысле случая. Паросский мрамор богини в ударах черного шквала, карнавал, дуэль, контрабандисты, мятежные и нежные души проходят гирляндой в спирали папиросного дыма...»[14].

ИМЯ, ФАМИЛИЯ, МЕСТНОСТЬ

Здесь, в атмосфере «Рабочей комнаты», задумаемся и о том, что̂ прежде всего бросается в глаза при чтении гриновских книг. С поразительным постоянством и смелостью соблюдает писатель однажды признанное им обязательное условие.

Грин-романтик (а есть еще и Грин-реалист) сознательно лишает себя такого немаловажного средства обрисовки героя, как его имя, фамилия, реальное место действия. А это — сильные краски в палитре художника. Не говоря о возможности уже самою фамилией подсказать характер героя

(Правдин, Пришибеев, Молчалин), не говоря об именах, звучащих нарицательно, и прочее и прочее, самое обычное «нейтральное» имя-отчество тоже не совсем нейтрально. Оно неизбежно таит в себе множество ассоциативных возможностей. Художник волен их выявить и усилить, сообразуясь со своим замыслом. А вот Грин лишает себя этой краски...

Мы уже побывали в «Гринландии» и легко можем себе представить, что в этой придуманной стране, скажем, Сидоровы и Петровы выглядели бы заезжими путешественниками, а то и персонажами научно-фантастического жанра. Но гриновские герои не пришли в другой мир. Они у себя дома. Они — в «Гринландии»!

Эта гриновская особенность в разное время оценивалась по-разному. Одни отмечали явную «иностранность» имен и упрекали автора соответственно. Другие, смущенные сложностью положения, указывали на гриновские имена и звучания явно отечественного корня (скажем, Фирс, Куркуль, Лети-ка).

У Грина-романтика можно, конечно, найти и то и другое. Важен общий смысл творческого приема, принцип отбора этих самых имен. Есть ли закономерность?

В том-то и дело, что какой-то строгой закономерности нет. Принцип один: по возможности избежать «привязки» к местности и нежелательных ассоциативных связей, которые могут притаиться за именем героя и помешать авторскому замыслу, отнять у него «свободу рук».

То, что художнику-реалисту (иногда и романтику, только иного, не гриновского склада) бывает просто необходимо, здесь оказывается помехой. Грин фантазирует, изобретает имена, отыскивает подходящее в прочитанной книге; слово может сойти с вывески или газетного объявления и, чуть переиначенное, ожить именем героя, названием острова, пролива.

Странное имя, сначала безликое, силою гриновского таланта начинает жить, и само, в свою очередь, вызывает у читателя вполне определенное представление, образ: Ассоль, Тави Тум, Фрези Грант... Подмечено, что некоторые нравящиеся автору герои названы именами с «гриновской» буквы: Грэй, Горн, Гарвей...

Наверное, это большая и благодарная тема для отдельно-

го исследования. Мы же обратим внимание на полку книг в рабочем кабинете писателя. Может быть, удастся увидеть что-нибудь совсем для себя неожиданное.

Вот энциклопедия Брокгауза и Ефрона, все восемьдесят шесть книг. Та самая, которую Грин приобрел в Феодосии, обосновав покупку соображением, что здесь, вдали от столичных библиотек и прочих возможностей, без Брокгауза и Ефрона не обойтись.

Энциклопедия уцелела чудом, потом оказалась в библиотеке издательства «Таврия» и была передана музею. Книги и теперь в очень хорошем состоянии. Обратим внимание на 18-й полутом. Прочитаем оттиснутое золотом на корешке:

«Гравилат
до
Давенант».

Позвольте, но это ведь имена героев гриновского романа «Дорога никуда»! Первое, слегка измененное автором на «Гравелот», второе — Давенант, Тиррей Давенант, главный герой романа, написанного здесь, в этих стенах!

Можно вспомнить, что Гравелот в романе — это, собственно, тот же Тиррей Давенант, только в новом своем обличье — содержателя трактира. Гравелот — Давенант... Золотом на корешке оттиснуты два имени главного героя, стоят рядом...

Конечно, чем-то подтвердить эту нашу догадку сегодня некому. Зная кое-что о «Гринландии», о свойствах авторской фантазии, его чувстве юмора, его подходе к материалу, можно только представить, что вот здесь, на нашем месте, стоял Александр Степанович Грин и разглядывал корешки энциклопедического словаря; слова «Гравилат» и «Давенант» чем-то привлекли его писательское внимание; может быть, он усмехнулся про себя, своим мыслям...

Впечатления, навеянные «Рабочей комнатой», умножаясь и усиливаясь, будут сопровождать нас при знакомстве с детством и юностью писателя, с путями его реальных скитаний и странствий, когда мы перейдем в следующую комнату музея.

СТРАНСТВИЯ МОРСКИЕ И СУХОПУТНЫЕ

Научного жизнеописания А. С. Грина еще нет. Есть незавершенная «Автобиографическая повесть» писателя, доведенная до 1905 года. Есть краткая автобиография, написанная Грином в 1913 году для С. А. Венгерова. Наконец, в 1972 году в Лениздате вышел сборник «Воспоминания об Александре Грине». Это издание, при всех недостатках, отмеченных критикой[15], помогает осветить малоизвестные или спорные факты жизни писателя; здесь опубликованы (правда, не полностью) воспоминания Н. Н. Грин.

«Автобиографическая повесть» Грина — это, конечно, именно повесть. Изложенное в ней, как показали архивные разыскания исследователей, нуждается в уточнении. «Автобиографическая повесть» — книга «мудро и жестко правдивая и одновременно овеянная вымыслом»[16]. И в самой повести есть гриновское объяснение возможных неточностей: «...я пишу не популярное исследование, а лишь вспоминаю, причем пишу так, как вижу запомненное теперь».

В комнате музея, оформленной как «Каюта странствий», обращают на себя внимание знаки Зодиака, панно, изображающее корабль в звездном океане, плывущий навстречу солнцу (символ юношеской мечты Грина), глобус, висячие керосиновые лампы, пестро раскрашенная шарманка, над нею — старинные часы-домик.

В экспозиции — фотоснимки, портреты, литографии, книги, иллюстрирующие сведения о детстве и отрочестве А. Грина в Вятке, а также годы скитаний (1896—1901).

Александр Степанович Гриневский родился в маленьком городке Слободском Вятской губернии 23 августа (11 августа по старому стилю) 1880 года. Еще младенцем он был перевезен в Вятку (ныне Киров), где жил с родителями безвыездно до шестнадцати лет. Отец его — Степан Евсеевич Гриневский — был сослан на поселение в связи с участием в польском восстании 1863 года, после амнистии жил в Вятке. Мать, Анна Степановна, «девица из мещан», умерла от чахотки, ко-

гда Саше было тринадцать лет. Через год отец женился вторично.

Четырех лет мальчик выучился азбуке и даже прочел первое слово: «В моем уме вдруг слились звуки этих букв и следующих, и, сам не понимая, как это вышло, я сказал — «море»[17].

Учеба в Вятском реальном училище, два исключения «за скверное поведение» и третье, окончательное, — за сатирические стихи на своих учителей. Пришлось доучиваться в городском четырехклассном училище, которое он и окончил в 1896 году.

Книги читал «бессистемно, безудержно, запоем». Майн-Рид, Гюстав Эмар, Жюль Верн, Эдгар По... «Тысячи книг сказочного содержания сидели в моей голове плохо переваренной пищей»[18].

Экспозиция книг Гоголя, Тургенева, Лескова, Гончарова, Л. Толстого, Достоевского дает представление и о серьезной литературе, которую мальчик читал запоем.

Под куском плексигласа смонтированы в два ряда небольшие портреты авторов книг, прочитанных Сашей Гриневским: Чехова, Решетникова, Писемского и, конечно же, Д. Дефо, Ф. Купера, Э. По, В. Гюго, Ж. Верна.

Книги были его настоящей жизнью. «Я не знал нормального детства», — скажет потом писатель. Он испытал горечь побоев, порки, стояния на коленях. Постепенно в этих условиях складывалась натура неистово мечтательная, замкнутая, — товарищей у мальчика почти не было, — полная непокорства и неприятия окружающего.

Такой-то юноша, долговязый и слабогрудый, с обостренной мнительностью, чувством справедливости и собственного достоинства, вспыльчивый, нерасчетливый до предела, пленился ленточками бескозырки на вятском парне и с двадцатью пятью отцовскими рублями в кармане, с напутствием «не пропасть» отправился летом 1896 года в далекую Одессу устраиваться матросом на корабль — в плаванье, по возможности, кругосветное...

Первое слово — море, первая книжка — «Путешествия Гулливера»... «Мое первое самостоятельное путешествие было рядом мелких колумбиад, открытий и наблюдений»[19].

После многих невзгод Гриневский устроился учеником матроса на пароход «Платон» и совершил каботажное плаванье по Черному морю с заходом в Севастополь, Ялту, Феодосию, Поти, Батуми. Позднее на парусной шхуне-дубке «Св. Николай» (модель этого дубка экспонируется) проплыл из Одессы в Херсон, а весной 1897 года матросом на пароходе «Цесаревич» попал даже в заграничное плаванье — через проливы в Египет, в Александрию.

Рассматривая выставленные в музее два цветных изображения Александрии, каким выглядел этот египетский город в 90-е годы прошлого столетия, литографию Стамбула начала XX века, фотографии Феодосии и Одессы конца прошлого века, можно представить, какое впечатление произвело все это, впервые увиденное, на юного мечтателя из тогдашней глухой Вятки.

Море, однако, тоже явило свою изнанку. Постоянная нужда, насмешки над узкогрудым нескладным пареньком, черствость и грубость, даже рукоприкладство — все это шло рядом с тайной работой мальчишеской фантазии, подогретой чтением приключенческой литературы. Службы не вышло. Пришлось возвратиться в родную Вятку. Помыкав горе, летом 1898 года он снова отправился к морю — теперь на Каспий, в Баку, где служил на рыбных промыслах, на пароходе «Атрек», а «больше всего был Максимом Горьким»: соскребывал краску с пароходов, забивал сваи для пристани, гасил нефтяной фонтан, выгружал бревна со шхуны, — в общем, голодал и мерз, ночуя в пустых котлах, под опрокинутыми лодками, иногда просто под забором.

Подхватив лихорадку, он опять едет домой (весной 1899 года), чтобы в феврале 1900 года пешком отправиться уже совершенно в другую сторону — в сухопутное странствие на Урал. Здесь — те же «горьковские университеты»: работа на чугуноплавильном заводе, дровосеком, сплавщи-

ком леса, рудокопом; бедовал на приисках, загораясь мечтой о кладах («есть верховое золото: сорвешь пласт дерна, и с корешков травы стряхиваешь, как крупу, чистое золото...»). После этого беспочвенный фантазер, настрадавшись, снова возвращается в Вятку.

Следующая довольно большая экспозиционная комната музея, почти квадратная, носит название «Кают-компания клипера».

В потолке — «корабельный люк», знаки Зодиака, на одном из окон стоит маячный фонарь рубинового стекла, на стене укреплена большая красивая модель клипера «Аврора» с белыми парусами, с мельчайшими, тщательно выполненными деталями. Украшают «кают-компанию» оригиналы иллюстраций С. Бродского к рассказам А. Грина.

Здесь экспонируется материал, связанный с жизнью и творчеством А. С. Грина в дореволюционной России (с 1902-го по февраль 1917 года).

После нескольких новых попыток найти свое место в жизни будущий писатель в марте 1902 года добровольно пошел в солдаты (отчасти по желанию отца, уповавшего на благотворное воздействие дисциплины) и очутился в Пензе, в 213-м Оровайском резервном пехотном батальоне. Однако выносить муштру и фельдфебельщину оказалось строптивому юноше не по силам.

«Моя служба прошла под знаком беспрерывного и неистового бунта против насилия». Начались «университеты» посуровее горьковских. Из десяти месяцев службы в армии три с половиной он просидел в карцере... Сохранился красноречивый послужной список солдата Александра Гриневского. Там сказано: «1902 год. Март, 18-го: зачислен в батальон рядовым. Июль, 17-го: зачислен в списки батальона из бегов. Июль, 28-го: предан суду. Ноябрь, 28-го: исключен из списков батальона бежавшим»[20].

В последнем побеге отчаянному солдату помог вольнооп-

ределяющийся Александр Студенков, из эсеров[21]. Гриневский получил паспорт на подлинном бланке на имя мещанина А. С. Григорьева и выехал, снабженный революционной литературой, в Симбирск, затем на нелегальном положении останавливался в Самаре, Саратове, Нижнем Новгороде, Тамбове, Екатеринославе, Киеве, Одессе. Наконец осенью 1903 года он оказался в Севастополе.

Здесь будущий писатель продолжал работу пропагандиста, в которой использовалась и социал-демократическая литература.

«Беседы «студента» всегда пользовались особым успехом, — вспоминает Григорий Федорович Чеботарев, служивший тогда канониром на батарее. — Вообще мы, социал-демократы, гордились таким агитатором»[22].

11 ноября 1903 года Гриневский арестован и заключен в севастопольскую тюрьму. Последовали два года тяжелейшей неволи, упорное молчание на допросах, попытка бежать.

Из севастопольской тюрьмы его переводят в феодосийскую, снова судят, уже за связь с феодосийской революционной организацией. В ожидании суда — вновь отчаянные попытки к бегству. Судил его гражданский суд. В «Автобиографической повести» Грин вспоминает, что при обыске у него нашли несколько брошюр, к тому же он был судим вместе с «эсдеками».

После суда его опять водворяют в севастопольскую тюрьму. Приговор к бессрочной ссылке, однако, запоздал: в силу «высочайшего» манифеста от 17 октября 1905 года всех политзаключенных севастопольской тюрьмы выпустили на свободу.

«БЕЛЛЕТРИСТ ГРИН»

В декабре 1905 года Гриневский появляется в Петербурге. На всякий случай — под чужим именем. И не напрасно: охранка стала хватать амнистированных и «особым совеща-

нием» отправлять в ссылку. Надвигалась столыпинская реакция.

Ровно через год, в декабре 1906-го, он публикует свой первый литературный рассказ «В Италию».

Но в скромной раме одного года уместилось столько поворотов судьбы и нравственных потрясений, что иному хватило бы на всю жизнь. Его преследуют опасности и несчастья, которые невозможно предвидеть, но он борется отчаянно и ломает фатальный, казалось бы, ход событий, пересекает Россию туда и обратно, мечется, и впечатление такое, что он упорно стремится к иному — невысказанной, пишь внутренне определившейся цели.

Один лишь перечень событий, без расшифровки, напоминает мелькание кадров авантюрного кинофильма.

Декабрь 1905 года. Встреча в Петербурге с «Киской», эсеркой Екатериной Бибергаль, в которую Гриневский влюблен еще с Севастополя. Тяжелое объяснение. Они расстаются.

7 января 1906 года. Арестован агентами охранки при облаве с фальшивым паспортом на имя Мальцева Н. И. Заключен в санкт-петербургскую тюрьму.

Знакомство в тюрьме с «невестой» (так объявляли себя девушки, чтобы получить возможность помогать одиноким политзаключенным) Верой Абрамовой.

15 мая — отправлен в ссылку согласно постановлению министра внутренних дел: выслать в отдаленный уезд Тобольской губернии на 4 года под надзор полиции.

В Тюмени, возле пересыльной тюрьмы, знакомый Н. Быховский передал ему фальшивый паспорт на случай побега.

13 июня. Побег из Туринска. Возвращение в Петербург. Встреча с Верой Абрамовой.

Июль. Отъезд в Вятку. Отец достает для него паспорт недавно умершего Мальгинова А. А.

Август — Гриневский в Москве. Прожил дней десять. Написал и «продал очень быстро в книгоиздательство Мягкова за 75 рублей» рассказ «Заслуга рядового Пантелеева».

Сентябрь — снова в Петербурге. Написал и переслал рассказ «Слон и Моська» тому же издательству. Продолжает писать.

Декабрь — в «Биржевых ведомостях» опубликован первый легальный рассказ — «В Италию», подписанный, в соответствии с паспортом, «А. А. М-въ».

Первые «нелегальные» рассказы «Заслуга рядового Пан-

телеева» и «Слон и Моська» представляют собою беллетризованные агитки, предназначенные для распространения среди солдат. В них остро критикуются нравы в царской армии, использование солдат в качестве усмирителей «крестьянских беспорядков». В первом рассказе есть слова: «Лучше какой ни на есть беспорядок, чем такой порядок, где просят хлеба, а дают — пулю».

Молодой автор продолжает «дразнить собак», испытывая судьбу. По поводу «Заслуги рядового Пантелеева» в докладе Московского комитета по делам печати решено брошюру задержать, а против автора возбудить судебное дело. «Слона и Моську» постигла та же участь. Оба рассказа были уничтожены (сохранилось лишь несколько экземпляров). Арестовали членов редакции. Никто из них автора не выдал.

Между тем в 1907 году в печати появилось несколько рассказов молодого беллетриста, в том числе «Случай», под которым впервые появляется знакомый нам псевдоним: «А. С. Грин». Впоследствии именно так, псевдонимом с обоими инициалами, Грин подписывает почти все свои произведения, даже письма: тогда же Грин, к досаде своей, узнал, что есть такая западная писательница, да еще приверженная к «авантюрному» жанру, Анна Катарина Грин, т. е. А. Грин. Ее в то время охотно переводили на русский, и случались, конечно, недоразумения. Позднее объявился в Одессе еще один А. Грин, врач-венеролог, кроивший пьесы из чужих произведений.

Так или иначе, родился псевдоним. Однако Грин, которого мы знаем, еще не появился... Печатаются его стихи, идут один за другим новые рассказы. В 1908 году вышла первая книжка — «Шапка-невидимка», составленная из десятка рассказов, в основном о «нелегалах», жизнь которых Грин хорошо знал. Это были добротные реалистические произведения. Но уже в 1909 году выходит к читателю «Остров Рено». Грин считал его первым своим рассказом.

«Остров Рено» не отделил, однако, реалиста от романтика подобием барьера. Грин продолжает публиковать впере-

межку и романтического «Штурмана четырех ветров», и бытовую «Историю одного убийства», и разного рода стихотворения.

До середины 1910 года писатель интенсивно работает. В списке публикаций числится двадцать два названия, в том числе известная «Колония Ланфиер»*.

Но ход неспокойной жизни петербургского беллетриста снова пресекся. Городовые подстерегли «Мальгинова А. А.» у ворот дома и надели на него наручники. Предателем оказался застольный приятель (журналист Котылев А. И.); в минуту откровенности Грин рассказал ему, что живет по чужому паспорту.

Уже находясь под арестом, Грин добивается разрешения обвенчаться с Верой Павловной Абрамовой, и она едет с ним в его ссылку, в город Пинегу Архангельской губернии.

На этот раз срок отбывается полностью. Согласно приговору, 15 мая 1912 года, день в день, его освобождают, и «гласноподнадзорный Александр Степанов Гриневский» возвращается в Петербург.

Вскоре А. Грин и Вера Павловна расстались. Это было нелегкое для писателя время утверждения своего места в литературе. «Мне трудно, — говорит он в письме к редактору В. С. Миролюбову.— Нехотя, против воли, признают меня российские журналы и критики; чужд я им, странен и непривычен... Но так как для меня перед лицом искусства нет ничего большего (в литературе), чем оно, я и не думаю уступать... Иначе нет смысла заниматься любимым делом»[23].

Еще резче, выкриком, Грин реагирует на вопрос анкеты «Журнала журналов» «Как мы работаем»: «Меня заставляют, меня насилуют... Мне хочется жрать...»[24].

В 1912—1915 годах, снова наладив утраченные за время ссылки связи с редакциями, Грин интенсивно работает и печатается.

* В 1969 году на VI Московском международном фестивале был показан фильм режиссера Я. Шмидта «Колония Ланфиер» — совместная работа чехословацких и советских кинематографистов.

«ПЕШКОМ НА РЕВОЛЮЦИЮ»

«Мечтатель» Грин был весьма чуток к вопросам текущего момента.

Известно, что художник не творит для потомков. Художник старается только для современников; «отправляться к потомкам» — это уже помимо воли творца: по причине особой долговечности его красок, а еще — из-за амбиций враждебной моды, более стойкой, чем нервная авторская жизнь.

Междустрочия и намеки, воспринимавшиеся читателем-современником с лету, позднее нуждаются в расшифровке. Убористый комментарий сопровождает хорошо изученных классиков. С Грином иначе: многое только-только приоткрывается.

Первый же брошенный исследователем взгляд[25] способен обнаружить вещи весьма неожиданные. Выясняется, что изображенный Грином в рассказе «Возвращенный ад» (1915) некий Гуктас, лидер партии Осеннего Месяца, есть явный намек на известного в те годы Гучкова, а «партия Осеннего Месяца» — это так называемый «Союз 17 октября», главная контрреволюционная сила III Думы...

Таким же «прямым экскурсом в политическую жизнь страны» смотрится более ранняя вещь Грина «Трагедия плоскогорья Суан» (1911): бешеный мизантроп и убийца Блюм представлялся тогдашнему читателю сатирой на «доморощенных ницшеанцев», кои начали появляться на авансцене в годы столыпинщины.

Позднее, складываясь как писатель-романтик, Грин постарался совершенно уйти от подобного рода прямых уподоблений. Реальные силы добра и зла сталкиваются в придуманной стране, в обличьях романтизированных героев, под условными именами, по возможности освобожденные от «местного колорита».

Мы мало что знаем о жизни Грина в последние предреволюционные годы. Известно, что в 1915 году писатель жил один, в «меблированных комнатах Пименова». С началом войны 1914 года охранка «на всякий случай» учредила за ним слежку. Последний «дневник слежки» помечен 6 июня 1915 года.

В конце 1916 года за непочтительный отзыв о царе в пуб-

личном месте Грину предложено покинуть Петроград. Писатель поселился неподалеку, на станции Лаунатйоки, в домике среди леса. Услыхав, что произошла Февральская революция, Грин немедленно отправляется в Петроград, проходит семьдесят верст пешком (поезда в тот момент не ходили). Он пишет очерк «Пешком на революцию» и публикует его в альманахе «Революция в Петрограде» (1917).

В первые послеоктябрьские дни писатель был в Петрограде. Его встречали на митингах. Более семидесяти рассказов, стихотворений, даже фельетонов, опубликованных Грином в 1917—1918 годах, помогут исследователю разобраться в подробностях, обнять вопрос во всей его сложности.

Перед нами недавняя публикация журнала «Радуга», малоизвестный рассказ 1917 г. «Маятник души»[26]. Некий Репьев устал от событий: «Ряд нервных потрясений, принявших хроническую затяжность, утомил меня за четыре года, как бочка — водовозную клячу...» Его душа, еще недавно «трубившая восстание», начала вторить «комариному писку» — таково колебание маятника. Дальнейшие рассуждения Репьева двойственны. Заканчивается рассказ светлым абзацем с хорошо различимой «гриновской» интонацией: «Между тем грозная, живая жизнь кипела вокруг, сливая свою героическую мелодию с взволнованными голосами души, внимающей ярко озаренному будущему».

В 1918 году написаны «Корабли в Лиссе». К сожалению, вещь осталась незавершенной. Грин создал в ней прекрасный образ лоцмана Битт-Боя — «приносящего счастье».

В 1918—1919 годах он пишет несколько стихотворений, в которых слышится отзвук недавних событий («Движение», «Мечта разыскивает путь» и др.), а также активно сотрудничает в только что созданном литературно-художественном альманахе «Пламя» под редакцией первого наркома просвещения А. В. Луначарского.

В экспозиции музея представлен номер «Пламени» за 1919 год с первой публикацией фантастической новеллы Грина «Волшебное безобразие», а также рукописные страницы новеллы «Корабли в Лиссе» (1918).

Весной 1919 года Грин, как не достигший сорокалетнего

возраста, был мобилизован в Красную Армию, однако вскорости заболел и на санитарном поезде вернулся в Петроград.

26 апреля 1920 года из смоленского лазарета он пишет Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! У меня наметился сыпняк, и я отправляюсь сегодня в какую-то больницу. Прошу вас, — если Вы хотите спасти меня, то устройте аванс в 3000 р., на которые купите меда и пришлете мне поскорее...»[27].

Горький помог и дальше. Он устроил Грина в Доме искусств, с комнатой и редким тогда «академическим» пайком. «Горький везде, где было нужно, защищал Грина от упреков в «нездешности», ласково-иронически называл его «полезным сказочником» и «нужным фантазером» (Вс. Рождественский).

В музее экспонируется копия приведенного выше письма А. Грина к М. Горькому, написанного крупным почерком, очень разборчиво, уже по новой орфографии. Можно видеть также страницы рукописи неоконченного романа «Таинственный круг» (о Ф. Нансене), над которым Грин работал в Доме искусств, а также первое издание «Алых парусов» (издание Френкеля, 1923).

Особняк Дома искусств, бывшая квартира богачей Елисеевых (теперь в этом здании помещается кинотеатр «Баррикада»), был чем-то вроде писательского общежития и в то же время клубом, где устраивались литературные «пятницы», а позднее — «понедельники», с привлечением широкой публики.

Здесь, в Доме искусств, в июле 1920 года А. Блок впервые прочитал поэму о революции «Двенадцать». 4 декабря выступил В. Маяковский с поэмой «150 000 000». И примечательно, что 8 декабря состоялось чтение А. Грином его новой вещи, наиболее прославленного произведения писателя — феерии «Алые паруса»...

Черновики «Красных парусов» (таково было первоначальное название) Грин носил в походной сумке красноар-

мейца, а первый неясный замысел мелькнул еще раньше, при взгляде через витринное стекло на игрушечный бот с красным парусом; был еще оптический эффект на море, когда солнце зажгло парус красным огнем...

Существовало несколько вариантов феерии. В одном из них писатель перечислил найденные им оттенки красного: «цвет вина, роз, зари, рубина, здоровых губ, крови и маленьких мандаринов...» Грин считал «Алые паруса» безусловно современной вещью и удивлялся, если кто-то считал иначе. «А разве «Алые паруса» не современная вещь? Невнимательные вы, ей-ей!»[28]. Он даже набросал киносценарий «Алых парусов»...

Сегодняшняя критика единодушна в оценке звучания гриновской феерии: «трагическая безысходность «Окна в лесу» и «Рая» сменилась ослепительным ликованием «Алых парусов» (В. Ковский). «Неоспорима связь феерии, задуманной в 1916 году, с бурно надвигающейся революцией» (Л. Михайлова). В «алом отблеске парусов времени героиня Грина увидела образ небывалого, и наше небывалое время ее признало» (В. Шкловский).

О чем же это, «Алые паруса»? Девочкой впечатлительная Ассоль поверила предсказанию «волшебника» Эгля, что к ней обязательно приплывет принц на корабле с алыми парусами. Капитан Грэй, узнав об этом, ставит на своем корабле паруса из алого шелка и предсказанным принцем является перед потрясенной Ассоль...

Ясно, что несколько строк пересказа почти ничего не говорят нашему сердцу. Грина нужно читать. Даже у кинематографа не хватает приемов передать впечатление от его прозы. Приведем лишь слова Грэя из «Алых парусов» — отрывок, сделавшийся хрестоматийным: «...я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное получать дражайший пятак, легко дать этот пятак, но, когда душа таит зерно пламенного растения — чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя»[29].

Материал экспозиции музея, иллюстрирующий жизнь и творчество Грина с февраля 1917 по 1920 год и с 1921 по 1932 год, последовательно размещен в двух комнатах: «Ростральной» и «Каюте капитана Геза». Экзотический интерьер

помещений призван настроить на восприятие гриновских произведений.

В «Ростральной» комнате эффектно выглядит ростра* — женская голова, вырезанная из дерева, обработанного под мореный дуб. Под потолком с бушприта свисает фонарь, на полу вокруг ростры — бочонки, куски каната, бронзовые кнехты, рында.

Здесь обращают на себя внимание книжка «Остров Рено» — первое романтическое произведение Грина, ксерокопия рисунка художника И. И. Бродского «А. С. Грин. 1918 год», журнал «Мир приключений» за 1924 год, в котором гриновские «Корабли в Лиссе» (1918) опубликованы под названием «Битт-Бой, приносящий счастье».

Экспонируется издание замечательного рассказа «Крысолов» в мартовской книжке журнала «Россия» за 1924 год, рассказа, о котором Вера Панова сказала, что он «замыкает цепь величайших поэтических произведений о старом Петербурге — Петрограде, колдовском городе Пушкина, Гоголя, Достоевского, Блока, — и зачинает ряд произведений о новом, революционном Ленинграде»[30].

На стенах — многочисленные фотографии, небольшая модель галиота «Секрет» под алыми парусами, иллюстрации художника С. Бродского.

В феврале 1921 года в жизни Александра Степановича произошла перемена: он женился на Нине Николаевне Мироновой, которая оставалась с ним рядом вплоть до последних его дней.

В этом же году Грин начал работу над романом «Блистающий мир» — о человеке, который летал без всяких приспособлений, так, по словам Грина, как все мы летали в детстве во сне...

Роман впервые опубликован в журнале «Красная нива» в 1923 году. Кроме всего прочего, здесь поражает изобразительная сила гриновского таланта. Невероятное происшест-

* Ростра — архитектурное украшение в виде носовой части древнего судна.

вие в цирке — человек бежит по арене, потом отрывается от земли («шаги бегущего исказились»), суеверная паника среди публики, — все это видишь, как происходящее на твоих глазах.

Главный герой романа — «летающий человек» — символизирует могущество человеческой личности. Когда писатель Ю. Олеша выразил Грину свое восхищение фантастической выдумкой, тот почти оскорбился: «Это символический роман, а не фантастический! Это вовсе не человек летает, это парение духа!»[31].

Духа одинокого и потому гибнущего, добавим мы, со всех сторон окруженного чувством вражды и страха, упорно преследуемого «людьми без крыльев», не умеющими летать, да и не желающими этого, подобно горьковскому Ужу, персонажу «Песни о Соколе».

ТАЙНЫ ВООБРАЖЕНИЯ

Предмет искусства — главный:
скульптура души...

А. С. Грин

Говорили, что от реализма первых рассказов «Шапки-невидимки» Грин эволюционировал в романтика. Другие, напротив, считали, что под конец жизни романтик пришел к реализму «Автобиографической повести». И то и другое, конечно, неверно. Реалистические рассказы случаются у Грина на протяжении всего творчества. Тем не менее ясно, что главным был и остался романтизм со всеми особенностями, свойственными в русской литературе единственно Грину и никому больше. Говорили: «Упрямый писатель». Известно, что «ни отношение читателей — а оно бывало разным, ни отношение критики — в большинстве случаев отрицательное, ни отношение издательств — а Грина нередко отказывались печатать, — ничто не могло столкнуть писателя с его пути»[32],

Замечено: творчество Грина в большей степени требует своего, «избранного» читателя. Многих Грин совершенно не привлекает. В этом нет ничего обидного для сторон, потому что к романтизму у многих существует некий «психологический иммунитет»[33].

Читатель Грина более, чем при знакомстве с реалистической вещью, должен следить за настройкой на авторскую «волну».

«Когда я, например, говорю с читателем моего склада,— рассуждает Грин в одной неоконченной рукописи[34], — мы сразу понимаем, что значат эти слова: «хорошая девушка». Хорошая — значит хорошая. Это нам ясно».

Каков он, этот читатель? Он способен пешком, зимой отправиться в старокрымский домик-музей, чтобы вписать в книгу отзывов и свою восторженную страницу. На шкафу у него — алые паруса, т. е. модель шхуны, на стене — окантованный под стекло портрет писателя, разысканный в старом журнале.

Но есть и другой читатель — спокойный. Он тоже отзывчив на красоту, но стесняется восклицательных интонаций в слове «мечта» или «романтика».

Третий может спросить: «Чем, собственно говоря, романтическое поможет мне в живой жизни?» Если вопрос прозвучал, это уже означает, что начало положено. Возникнет спор, появятся размышления... Они и есть ответ, один из многих.

Но вернемся к гриновскому идеалу «хорошей девушки». Она — в «Алых парусах», она — в каждом из четырех романов и во многих рассказах. Ее романтический образ чрезвычайно дорог писателю. Он верит в безграничную, почти колдовскую силу любви, способной вернуть к честной жизни даже закоренелого преступника.

Гриновские романтики Тиррей Давенант, Битт-Бой, Ганувер, Гарвей любят самозабвенно, преданно, ради этого чувства идут на смертельный риск. То же можно сказать о «хороших девушках»: Молли, Дэзи, Тави — очень земные, хоть фантазерки, отличаются от прекрасных, полуреальных Биче Сениэль и Руны Бегуэм, от коварной Дигэ, от поэтичной Анни...

Рассредоточенные по разным комнатам музея рисунки художника С. Бродского — подлинники иллюстраций к книгам писателя — воспроизводят несколько гриновских женских образов, одухотворенных, полных изящества, тайны, щемящей поэзии.

В той же неоконченной рукописи, как бы отыскивая для себя героиню, Грин саркастически перебирает многие избитые в литературе варианты: «Или изображу просто достойную женщину, терпеливую и доверчивую, которая видит, как из ее детей вырастают мерзавцы, а муж заводит гарем и проигрывает обручальное кольцо?..

Взять мне что ли женщину-прохвоста, с золотыми зубами, кокаином и шелками, отдающуюся на аэроплане, в автомобиле... Прочь, чудовище! Зачеркиваю тебя крест-накрест красной губной помадой... Я отыщу героиню такой, какой она хочет быть».

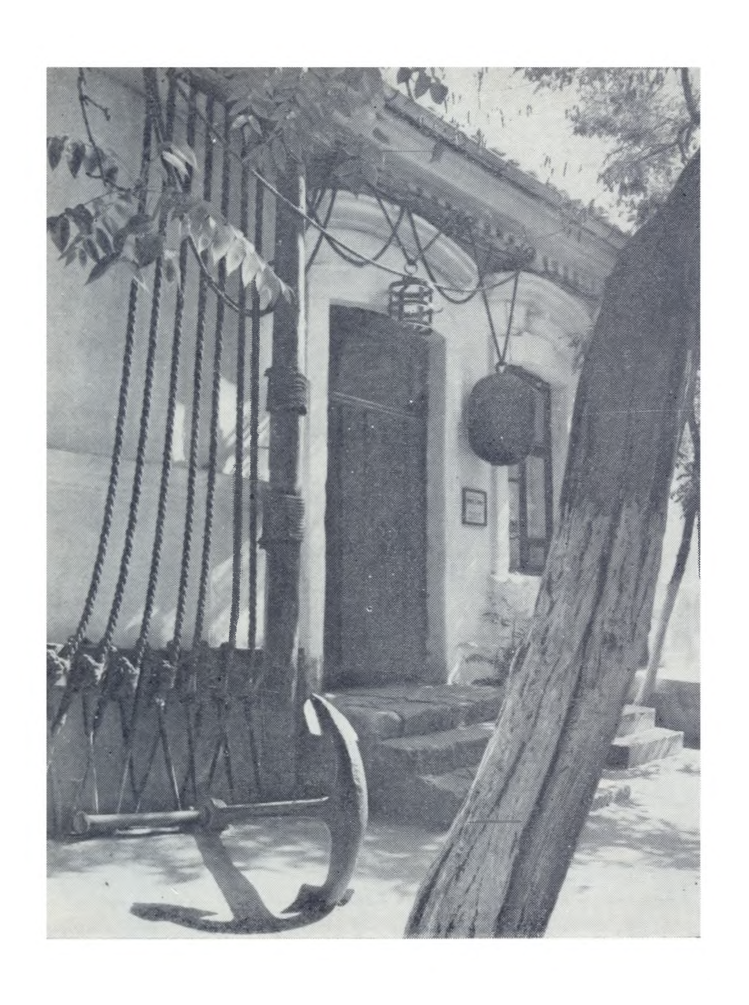
Не «какая есть», а «какой она хочет быть»... Вот в чем, оказывается, нравственная задача Грина-романтика! Пересоздание действительности. Один набросок рассказа начинается так: «На севере — да, — но не том, где живете вы: на более совершенном севере...».

Живет девчонка: где-то в свойствах души она уже такая. Романтик лишь пробуждает самосознание, фантазируя, он красками жизни рисует свою идеальную «хорошую девушку» — такую, какой она хочет быть...

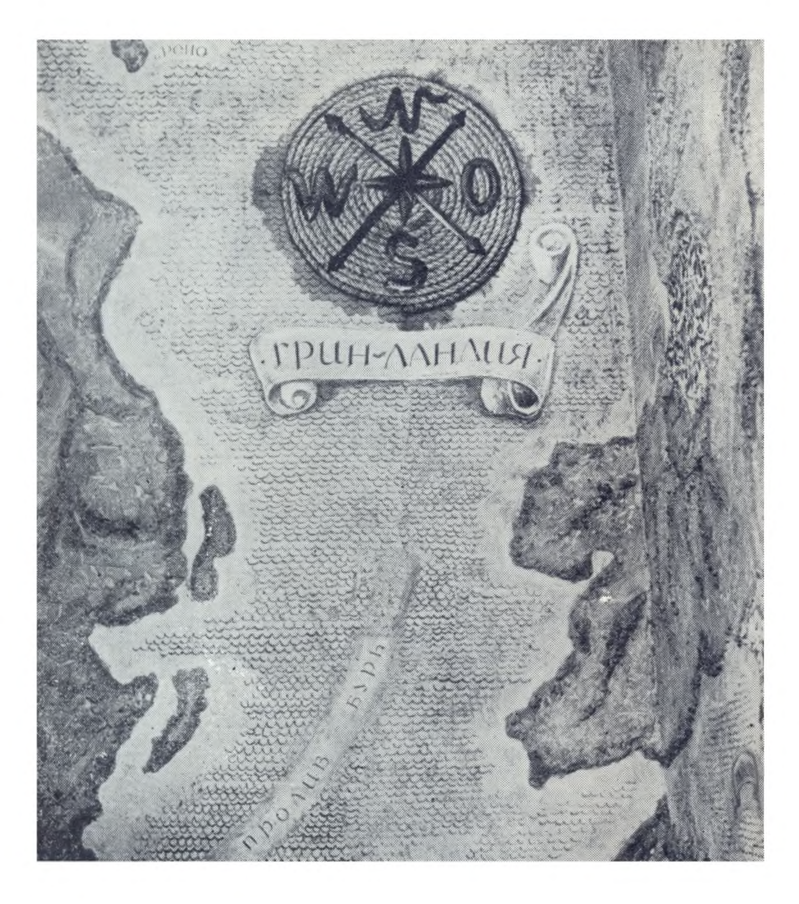
В одном из вариантов «Алых парусов» есть слова: «Сочинительство всегда было внешней моей профессией, а настоящей, внутренней жизнью являлся мир постепенно раскрываемой тайны воображения»[35].

После эффектно оформленной «Ростральной» с ее выточенной из дерева головою морской девы следующая экспозиционная комната музея — «Каюта капитана Геза»— как бы продолжает раскрывать перед посетителями тот романтический мир, который начался для них с карты «Гринландии».

«Каюта капитана Геза» оформлена, как описанная Грином каюта парусного судна «Бегущая по волнам». Стены до по-

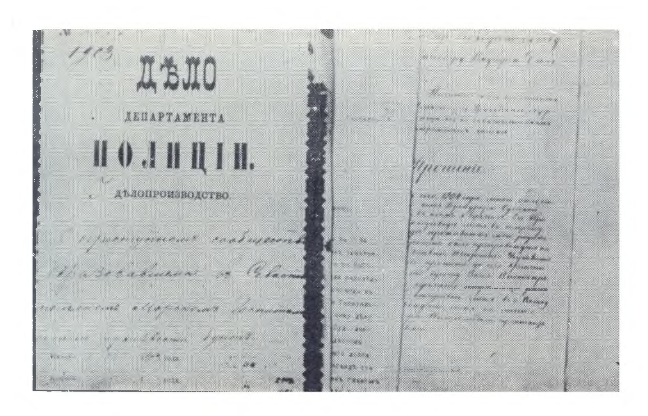
Вход в феодосийский музей А. С. Грина.

«Гринландия». Рельефная карта романтической страны Грина. «До конца дней моих я хотел бы бродить по светлым странам моего воображения» (А. С. Грин).

Несколько подобных «дел» было заведено властями на А. С. Гриневского (Грина) в связи с его агитаторской работой среди солдат и матросов. ▶

Модель шхуны-дубка. На таком «дубке» А. Грин совершил рейс из Одессы в Херсон осенью 1896 года.

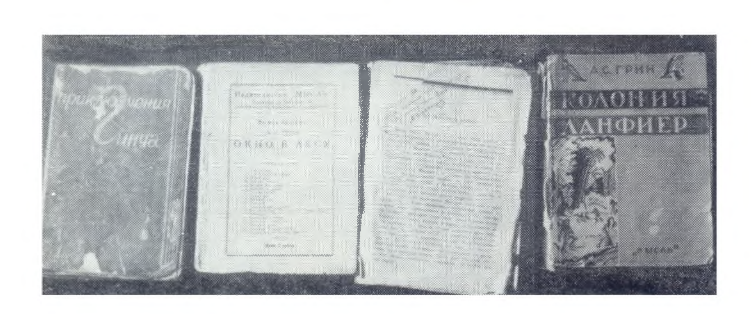
ДѢЛО

ДЕПАРТАМЕНТА

ПОЛИЦІИ.

ДѢЛОПРОИЗВОДСТВО.

А. С. Грин.
1918 год. Рисунок
И. Бродского.

Так выглядели некоторые прижизненные издания произведений А. С. Грина.

А. С. ГРИН

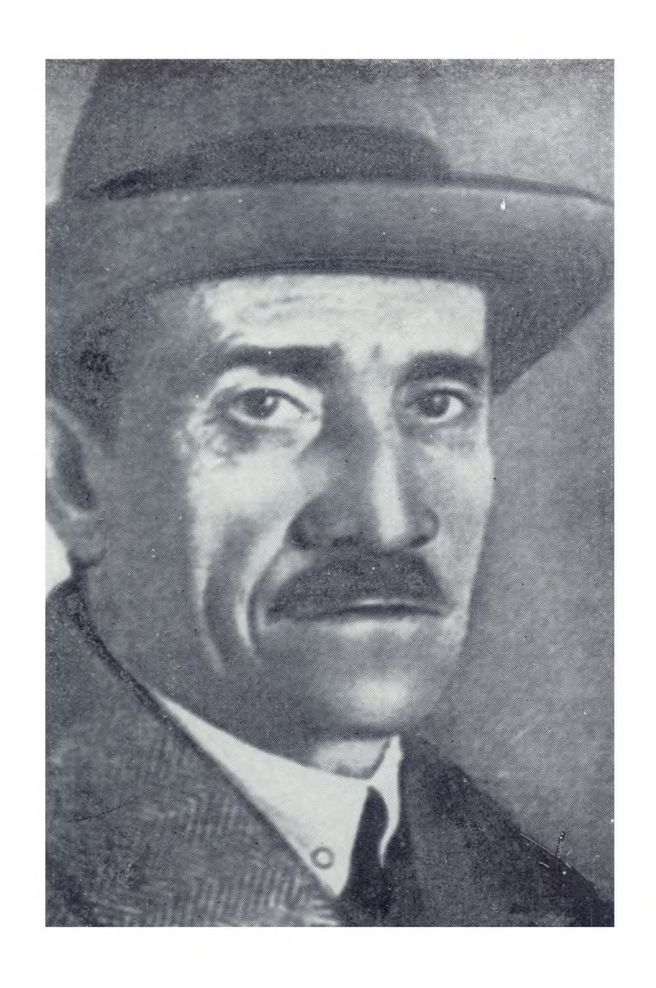
КОРАБЛИ В ЛИССЕ

«МЫСЛЬ»

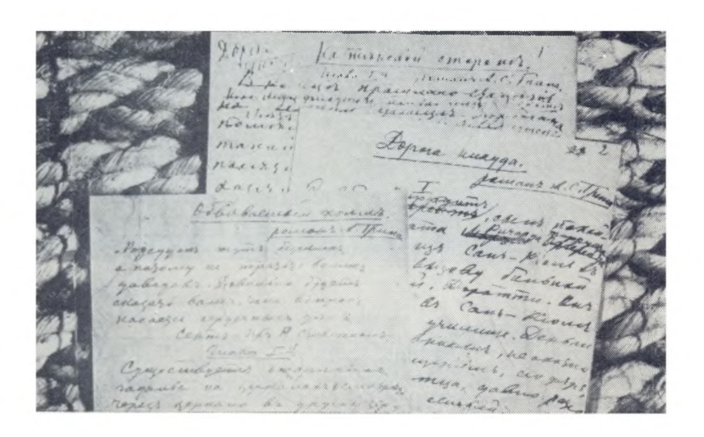

«Клиперная». Интерьер экспозиционной комнаты музея.
«Войдя в порт, я, кажется мне, различаю на горизонте, за мысом, берега стран, куда направлены бугшприты кораблей, ждущих своего часа... А над гаванью — в стране стран, в пустынях и лесах сердца, в небесах мыслей — сверкает Несбывшееся — таинственный и чудный олень вечной охоты» (А. С. Грин).

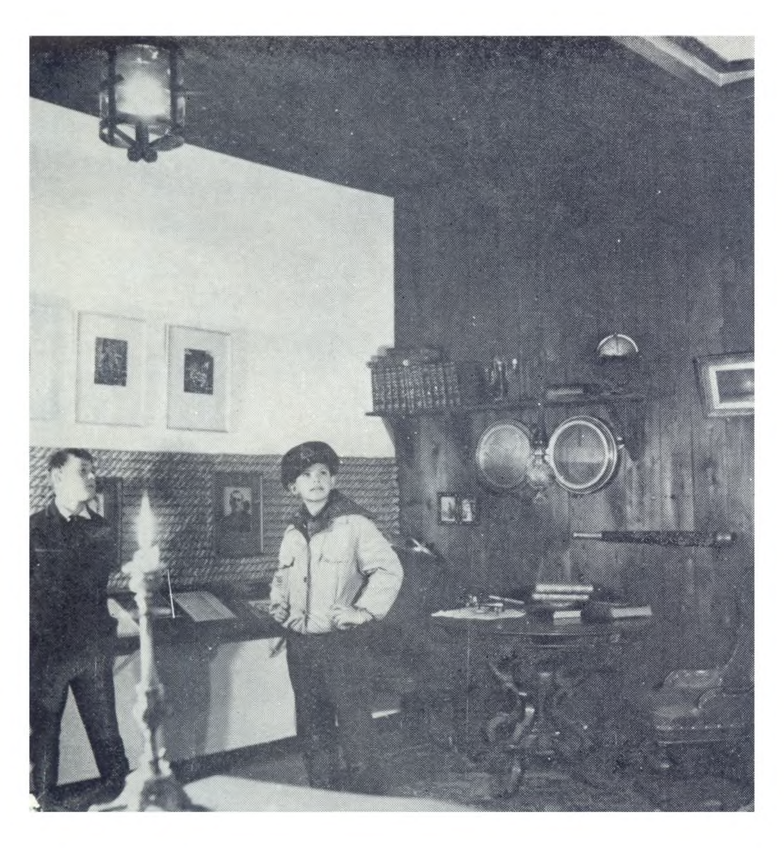

А. С. Грин. 1926 год.
«Из дали, в которой скрыта кофейня таинственного приморского города, на меня взглянули глаза Тома О'Фланагана: «Слушай, Сандерс, — говорит он, покачивая плечами в синем дыму сигар, — главное поступать правильно» (А. С. Грин).

Макет носовой части бригантины «Бегущая по волнам».

Дорога никуда.

Интерьер комнаты «Каюта капитана Геза».

◀ Рукописные страницы романов А. С. Грина, созданных в Феодосии, на Галерейной.

«Корабельная библиотека».
Переведенные на многие языки мира, гриновские книги рассказывают «о радости сбывающихся фантазий, о праве человека на большее, чем простое проживание на земле, и о том, что земля и море полны чудес — чудес любви, мысли, природы, отрадных встреч, подвигов и легенд» (Марк Щеглов).

«Алые паруса». Художник С. Бродский.
«Если бы Грин умер, оставив нам только одну свою поэму в прозе «Алые паруса», то и этого было бы довольно, чтобы поставить его в ряды замечательных писателей, тревожащих человеческое сердце призывом к совершенству» (К. Паустовский).

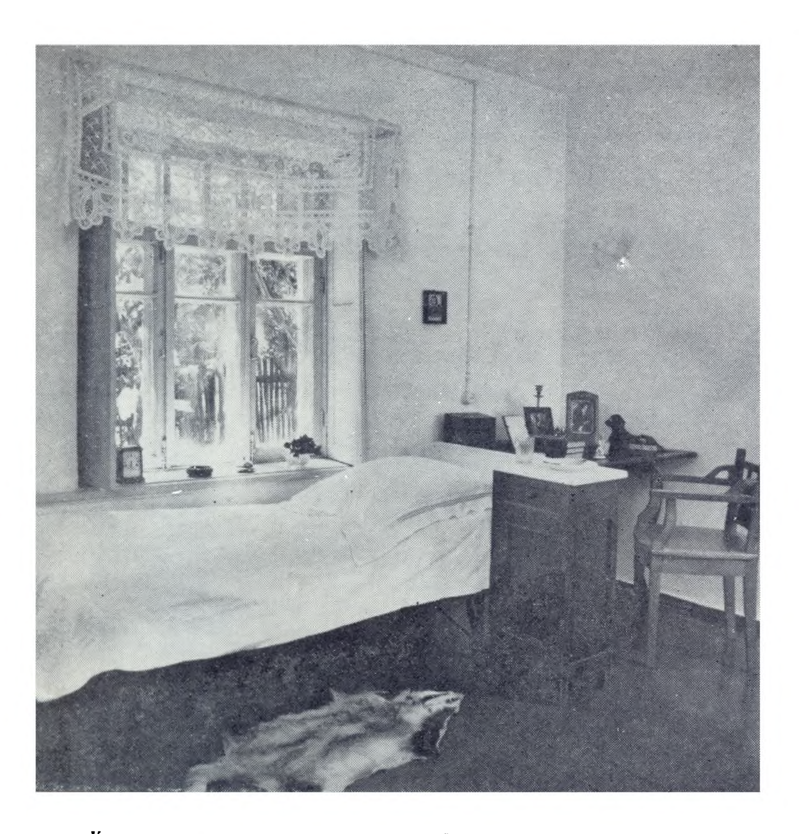
«Дача» Шемплинской. В этом доме, который стоял в «цветочном и фруктовом саду», Грин снимал комнату летом 1929 года.
«Удивился я, когда узнал биографию Грина, узнал его неслыханно тяжкую жизнь... Было непонятно, как этот замкнутый и избитый невзгодами человек пронес через мучительное существование великий дар мощного и чистого воображения, веру в человека и застенчивую улыбку» (К. Паустовский).

«Ореховая роща» в Старом Крыму.
Темные купы ничейных грецких орехов вперемежку с бледной сквозистой зеленью старых верб — издали они кажутся клубами желто-зеленого дыма, — над ними волнуется парочка тополей... Они еще помнят Грина.

А. С. Грин с ястребом Гулем. «Большей частью Гуль сидит у меня на плече, иногда на раме большого зеркала. Любопытно, что отражение в зеркале не волнует Гуля: он остается равнодушен к отраженному ястребу».

Комната в старокрымском домике. Грин прожил в нем всего один месяц, и все-таки мы неминуемо поддаемся «иллюзии присутствия», — может быть, потому, что обстановка здесь подлинная, прижизненно гриновская.

◀ Мемориальная комната домика-музея Грина в Старом Крыму.

Могила А. С. Грина на старокрымском кладбище.
Алые галстуки на ограде могилы Грина,
алые маки,
разбрызганные
по окрестным холмам...

ловины высоты забраны канатными матами. Одна стена обшита доской под мореный дуб, видны полки для книг, подсвечник, открытый латунный иллюминатор, подзорная труба, барометр, шкатулка, картина работы Айвазовского; на круглом столе — карта-лоция, секстант, фуражка с белым верхом. У стола — два кресла, компас на подставке и другие морские аксессуары.

Экспонируются фотографии, копии автографов, страницы романа «Бегущая по волнам», рассказов «Фанданго», «Ламмерик». На простых тетрадочных листах в линейку можно прочесть заглавия, написанные рукой Грина:

«Обвеваемый холм»

роман А. С. Грина

«Дорога никуда»

роман А. С. Грина

«На теневой стороне»

роман А. С. Грина

В экспозиции — первые издания книг «Белый огонь», «Сердце пустыни», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Дорога никуда». Три последних романа, а также «Джесси и Моргиана» были написаны в Феодосии.

Гонорар, полученный за роман «Блистающий мир», позволил Грину совершить в 1923 году краткую поездку в Крым. Вдвоем с Ниной Николаевной решили сделать из «Блистающего мира» не комоды и кресла, а веселое путешествие... Побывали в Севастополе, съездили в «купринскую» Балаклаву, потом на пароходе — в Ялту, посетили Ливадию, Алупку, Гурзуф.

Четыре года спустя поездка повторилась: получив аванс в счет издания Собрания сочинений (в издательстве «Мысль»), Грины поехали в Ялту, где прожили три недели. Отсюда они вдвоем проплыли на весельной лодке в сторону Севастополя километров одиннадцать. Возвратившись в Ялту, сели на маленький колесный пароходик и при сильном волнении на море добрались до Феодосии.

Итак, мир тайны воображения... Придуманная страна, при-

думанные герои. Не какая-нибудь страна будущего, нет, «Гринландия» архаична. Она казалась такою и во времена Грина. Там чудеса... В ней случается то, что, за редким исключением, невозможно в других странах, нанесенных на карту мира. Молния фотографирует преступление. Человек, подобно духу, летает без крыльев; он может бежать по воде и даже по гребням волн, напоминая издали сегодняшних морских лыжников; в «Гринландии» можно поселиться в лесу—лишь бы место понравилось — и охотиться без разрешения на отстрел; предсказания осуществляются; как правило, сбываются мечты и предчувствия.

Несмотря на это, «Гринландия», по сути своей, — не утопия. Многое в ней—прежде всего местность и люди—дышит воздухом реальной земли. Взгляните на портрет «штурмана четырех ветров»: «Его рыжая грива была густа, как июльская рожь, а широкое, красное от ветра лицо походило на доску, на которой повар крошит мясо. Говорят, что и весь он исполосован шрамами в схватках на берегу...»[36].

Посмотрите на девочку за столом, удерживающую смех: «Вцепившись руками в чашку, чтобы не завизжать от хохота, она стиснула колени, скрючив пальцы ног, и, вспотев, пересилила себя» («Дорога никуда»)[37].

В романе Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» изображена редакция, по лестницам которой бегал Остап Бендер, спасаясь от мадам Грицацуевой. Дом списан с московского Дворца труда. Оказывается, почти одновременно с того же Дворца труда другая кисть, романтическая, срисовывала... дворец Ганувера (роман «Золотая цепь»), с исчезающими стенами, тупиками и бесконечными коридорами.

Воображаемая страна... Блистательные образы, о «словесном составе» которых часто не знаешь, что и сказать, чем объяснить колдовскую надбавку, без которой очарование исчезает.

«Режи — королева ресниц», «Человек Двойной Звезды»... Или — вот это, среди тайн и фантазий «Бегущей по волнам», как будто вполне бытовое, когда Дэзи скокетничала, мед-

ленно подняв опущенные глаза, и в каюте разлился голубой свет.

Гриновская «скульптура души» с особой четкостью проступила в романе «Бегущая по волнам». Писатель говорит о власти Несбывшегося. Он нашел здесь слова удивительные. Так же удивительны поиски начала «Бегущей по волнам»: «Я писал это начало в самом холодном, рассуждающем трезво и логично, состоянии ума и души... И только читая, я взволновался, словно нашел те четыре строки стихотворения, что ложатся в душу навсегда. Короли мы, что можем иметь такие минуты!»[38].

А ведь сорок три (!) предшествовавших начала были признаны автором неудачными...

Чуткий читатель — конечно, каждый по-своему, в соответствии со своим жизненным опытом — воспримет гриновский абзац о Несбывшемся с благодарностью автору, который сумел вызвать на поверхность мысль и чувство, лежавшие до этого где-то на глубине:

«Рано или поздно, под старость или в расцвете лет, Несбывшееся зовет нас, и мы оглядываемся, стараясь понять, откуда прилетел зов. Тогда, очнувшись среди своего мира, тягостно спохватясь и дорожа каждым днем, всматриваемся мы в жизнь, всем существом стараясь разглядеть, не начинает ли сбываться Несбывшееся? Не ясен ли его образ? Не нужно ли теперь только протянуть руку, чтобы схватить и удержать его слабо мелькающие черты?

Между тем время проходит, и мы плывем мимо высоких, туманных берегов Несбывшегося, толкуя о делах дня»[39].

Мир тайны воображения... Его мысли, как и его чувства, рождают отзвук в нашем реальном мире. Его герои, «лишенные обязательного couleur locale* кажутся нездешними, а они вокруг нас»[40]. Они живут в воображаемом мире, но в них мы прозреваем себя — в лучших своих побуждениях; иногда различаем упрек себе; почти всегда — дружеский жест, поддержку, обновленье смысла старинных понятий — вера, надежда, любовь; убежденность в том, что светлое в человеке обязательно возьмет верх.

---

* Couleur locale *(фр.)* — местный колорит, характер, оттенок, своеобразие.

МОЖНО ЛИ ПОДРАЖАТЬ ВЫДУМКЕ?

Как это ни покажется странным, но оригинальнейшего, единственного в своем роде писателя-романтика Грина время от времени с завидным упорством упрекали в подражательстве. Уличали по разным поводам и с различными побуждениями, но неизменно — в подражательстве западным образцам: «Звучит, как перевод с иностранного»... «Русский Джек Лондон»... «Русский Эдгар По»... Набирался целый список имен: Жюль Верн, Ф. Купер, Майн-Рид, Г. Уэллс, Стивенсон, Брет-Гарт... Хотя можно было бы, имея в виду фантастический элемент в творчестве, указать также на Пушкина («Руслан и Людмила»), на Гоголя («Нос», «Вий» и др.), на Достоевского.

Конечно, художник не вырастает из ничего. В фундаменте любого новаторства лежат кирпичики традиций. Грин хорошо знал и любил перечисленных авторов и не только их. Какие-то влияния, безусловно, присутствуют и в его творчестве.

Однако самобытность художника, неповторимость его личности надежно гарантируют от «впадания» в подражательство. Можно писать в одно время и ставить одни проблемы, как, скажем, проблема «отцов и детей» у Тургенева и Гончарова — книги их будут различны. (Правда, в помянутом случае Гончаров обижался на Тургенева и даже укорял в разработке его, Гончарова, замыслов, что было, конечно, несправедливо.)

Стендалю принадлежит афоризм: «Я беру свое всюду, где его нахожу». Так имел право сказать самобытный художник. Вопрос о «влияниях» сложен и в каждом случае требует специального исследования.

Что касается творчества Грина-романтика, то на упрек в подражательстве очень ярко ответил писатель Ю. Олеша: «Иногда говорят, что творчество Грина представляет собой подражание Эдгару По, Амброзу Бирсу. Как можно подражать выдумке? Ведь надо же выдумать! Он не подражает им, он им равен, он так же уникален, как они». Олеша говорит о выдумке как о редком писательском свойстве: «Это писатели-уники. Их очень мало было на земле»[41].

Сам Грин восхищался Эдгаром По, любил его. «Я хотел

бы иметь талант, равный его таланту, и силу его воображения, но я не Эдгар По. Я — Грин: у меня свое лицо».

Он уточняет: «Мы вытекаем из одного источника — великой любви к искусству, жизни, слову, но течем в разных направлениях. В наших интонациях иногда звучит общее, остальное все разное — жизненные установки различны»[42].

В самом деле, мистически-необъяснимое у Эдгара По часто находится на грани тяжелого кошмара («Маска красной смерти», «Падение дома Эшеров»), колорит его вещей мрачен, вызывает чувство подавленности, одиночество героев трагично («Человек толпы»).

В некоторых рассказах Грина можно найти общее в интонациях («Серый автомобиль», «Фанданго»), но Грин, которого мы знаем, другой. Его душа выражена в тональности «Бегущей по волнам», «Алых парусов», «Золотой цепи».

Так можно ли все-таки «подражать выдумке»? Ю. Олеша, вопреки собственному утверждению, попробовал это сделать. В рассказе «Любовь» (1929) у него тоже появился «летающий человек», московский студент Шувалов: «Он взмыл, толстовка превратилась в кринолин, на губе появилась лихорадка, он летел, прищелкивая пальцами...»

Конечно, то, что у Грина звучало глубоко серьезно, даже трагично, здесь — условный прием, буффонада. Написано хорошо, но по-другому. Это уже — Юрий Олеша. Гриновская иллюзия волшебного действа исчезла.

Выдумке подражать и в самом деле нельзя. Вернее сказать, нельзя подражать неповторимой личности автора.

Примечательно в этом смысле «влияние», испытанное К. Паустовским. Юноша-гимназист был потрясен, прочитав неизвестного ему Грина. Впечатление осталось надолго, если не навсегда. Начав с откровенного подражания Грину в своих ранних вещах, Паустовский всю жизнь как бы держал его в своем сердце. В разной связи он то и дело вспоминает о Грине. Он изображает его под именем Гарта в повести «Черное море»: «Гарт был писателем. У своей фамилии Гартенберг он отбросил окончание, чтобы целиком слить себя

со своими героями — бродягами и моряками, жившими в необыкновенных странах. Герои Гарта носили короткие и загадочные фамилии...»[43].

Гарт — не портрет Грина, это еще один тип романтика. «Живой анахронизм» вначале, он уходит из повести, обращенный лицом к своему времени. То же, по Паустовскому, должно было случиться с Грином, поживи он подольше.

Кажется, что Паустовский в своих вещах время от времени «примеривал» Грина к новым условиям и обстоятельствам, пробовал рассмотреть его «улучшенного». Любопытна в этом смысле маленькая повесть Паустовского «Созвездие Гончих Псов». Есть сведения, что автор использовал здесь свои крымские впечатления, в частности знакомство с Симеизской астрофизической обсерваторией. Но из самого текста об этом не очень-то догадываешься. По-гриновски необычны, «иностранны» имена героев; наступающие на обсерваторию солдаты — это все-таки солдаты «вообще», как и профессор, и другие ученые. Но в повести вдруг вырисовывается новый, недвусмысленный элемент, современный автору и читателю: гражданская война в Испании. Выясняется, что обсерватория эта — французская, расположенная в испанских Пиренеях, и, казалось бы, отвлеченное, с «гриновским» сюжетом повествование обретает вполне злободневную реалистическую окраску.

С трудом созданная условность тут же нарушена... В повести возникла какая-то нарочитость, неестественность. «Улучшения» метода не получилось. В рамках конкретной задачи волшебное гриновское видеозеркало отказывало.

Требовалась иная техника. Ее вырабатывали, каждый по-своему, уже другие художники, в том числе и К. Паустовский, с его особым романтическим почерком, конечно же, не похожим на почерк создателя «Алых парусов».

«ПУТИ ЭПОХИ И МОЙ...»

«Когда же сойдутся пути эпохи и мой? Должно быть, уже без меня»[44], — записал однажды романтик.

Правильная оценка этих слов невозможна вне исторического контекста. Мы знаем, что до 1932 года единого Союза советских писателей не было. Был ВОАПП, куда решающей силой входил РАПП* с его механическим переносом философских категорий в область искусства и другими ошибками. РАПП принижал даже творчество Горького и А. Толстого. Ярлыком «попутчика» возмущался и Маяковский:

Мы, мол, единственные, мы — пролетарские...
А я, по-вашему, что — валютчик?

Если вспомнить, что рапповский лозунг «Долой Шиллера!» обозначал неприятие романтизма вообще, то станет очевидным тогдашнее положение Грина, этого «иностранца», с его капитанами грэями, зурбаганами и островами рено.

Поэтому не вызовут удивления слова писателя: «Мне во сто крат легче написать роман, чем протаскивать его через дантов ад издательств»[45]. Поражает другое: неоспоримость факта, что почти все, за изъятием считанных второстепенных вещей, почти все написанное Грином было напечатано при его жизни!

Правда, «толстые» журналы, за редким исключением, его не брали. Тиражи книг были незначительны. Но его романтическое живое слово звучало вопреки рапповским вульгаризациям. Гриновское слово находило своих почитателей и защитников, подобных Николаю Семеновичу Тихонову.

ВОАПП и РАПП, как известно, были ликвидированы постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года.

Если футуристы предлагали сбросить Пушкина «с парохода современности», — сегодня это воспринимается как полеми-

---

* ВОАПП — Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей. РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей.

ческий жест, не более,— то Грину на упомянутом пароходе вообще не нашлось места: вульгарные социологи тех лет предлагали понимать современность в лучшем случае как злободневность.

В 1924 году, в заметке к 125-летию со дня рождения поэта, Грин убийственно иронизирует над самой постановкой вопроса «Современен ли Пушкин?» «То есть, — уточняет Грин,— современна ли природа? Страсть? Чувство? Любовь? Современны ли люди вообще?»[46].

В самой «Гринландии» в разные времена тоже, конечно, не все шло одинаково. Сначала там действуют гордые и сильные одиночки, восстающие против враждебного мира. Добиваются ли они своего, как Гоан Гнор («Позорный столб») или Рег («Синий каскад Теллури»), уходят ни с чем, как Горн («Колония Ланфиер»), или погибают, как Тарт («Остров Рено»), — все они борются только за себя лично и на свой риск.

Заметно, что в пореволюционных вещах гриновский мир стал щедрее на хороших людей. Они попадаются не только в одиночку, но и компаниями, как в романе «Золотая цепь». Появляется удивительный лоцман Битт-Бой, «приносящий счастье» («Корабли в Лиссе»). В «Бегущей по волнам» уже многие горожане защищают прекрасное — памятник «Бегущей»; на прекрасное покушаются люди, способные «укусить камень»,— богачи Грас Парана и его партия; самое интересное здесь, что Гарвей, излюбленный автором герой-одиночка, на вопрос, согласен ли он присоединиться к охраняющим памятник, «не задумываясь, сказал: «Да».

Конечно, у Грина нет четко выраженной классовой расстановки сил добра и зла. Его мировоззрение ограничено, как и возможности художественного метода. В гриновских произведениях сталкиваются характеры, идет борьба нравственная.

В «Гринландии» могут плавать по морям два одинаково хороших моряка, два капитана, но один из них — провозвестник добра (Грэй), а другой — причинитель зла (Гез). Состоятельный домовладелец Футроз с дочерьми — люди вполне симпатичные, в то время как обнищавший Франк Давенант — форменный негодяй (роман «Дорога никуда»).

Все же среди мерзавцев явно преобладают всякого рода эксплуататоры — кабатчики, скучающие миллионеры, лавочники, заводчики, владельцы ферм, финансисты. Романтик здесь беспощаден. Сколько сарказма вложено, например, в описание «деловой» атмосферы в доме заводчика Ионсона («На облачном берегу»): «Там крикливыми голосами, счетами и проклятиями, бранью и всеобразной душевной отрыжкой, точно обозначающей все колебания делового дня, текла, собранная в жидкий узел на маковке, своя жизнь»[47].

Романтик Грин хорошо различает абстрактные категории добра и зла и создает их живые модели; зоркий психолог, он способен ярко изобразить духовного человека. Творческая «установка» Грина, в общем, проста и лежит в русле демократической литературной традиции. Он считал, что «любой рассказ должен содержать жестокую борьбу добра со злом и заканчиваться посрамлением темного и злого начала»[48]. Романтик старается, сколько возможно, привнести в жизнь человеческого тепла и прямо говорит об этих своих усилиях: «Я настолько сживаюсь со своими героями, что порой и сам поражаюсь, как и почему не случилось с ними чего-нибудь на редкость хорошего! Беру рассказ и чиню его, дать герою кусок счастья — это в моей воле. Я думаю: пусть и читатель будет счастлив!»[49].

Наглядный, хотя и достаточно простой пример гриновского «улучшения действительности» просматривается в его рассказе «История одного ястреба». Грин рассказывает, как у феодосийского мальчугана купил он за рубль птенца-ястребенка, как выходил птицу, научил брать мясо из рук и садиться ему на плечо (см. иллюстрацию — «А. С. Грин с ястребом Гулем»).

Н. Н. Грин в своих воспоминаниях описала в подробности, как все было с ручным кобчиком. Оказалось, что в «Истории одного ястреба» (с подзаголовком «Рассказ-быль») автор несколько отошел от буквы событий. Он придумал рассказу более благополучный конец. «Мне хотелось, чтобы так случилось», — ответил Грин на вопрос Нины Николаевны.

В самом деле, не мог же он закончить рассказ сообщением, что его любимый Гуль, гордая птица, околел от просту-

ды, после того как плюхнулся в миску с холодной собачьей похлебкой! И мы понимаем автора, узнаем его побуждения, цель его домысла о судьбе ястребка: «...как волновался он, когда, раненый, в клетке, заслышал однажды крик — призыв своего друга, который тщетно искал его! Гуль весь дрожал, увел голову в плечи, весь замер от муки и горя...

Я уверен, весной они встретятся...»

Птице, равно как и людям, своим читателям, он хотел оставить надежду. Вспоминается давний гриновский афоризм: «Жизнь — это черновик выдумки».

Любя жизнь, Грин мечтал видеть ее совершенной.

Стремясь по-своему облагородить человека, Грин создал произведения большой морально-эстетической ценности. Многие воспетые романтиком приметы добра дороги нам сегодня и дороги будут завтра, совпадая, по существу, с положениями морального кодекса нового человека.

Переоткрытие духовных ценностей гриновского наследия и связанный с этим стремительный рост его популярности начались после Великой Отечественной войны, в пятидесятых годах. Процесс этот не завершен и продолжается в наши дни.

Черты новой эпохи у всех на памяти. Страна приступила к освоению целинных земель. Множество людей, главным образом молодежи, устремилось на новостройки Сибири и Средней Азии. По-новому притягательно зазвучали «романтические» профессии геолога, лесовода, вулканолога; шло развитие туризма с его отважными скалолазами и спелеологами, ветерок дальних странствий тревожил, звал к путешествию. Наконец — эра космическая: первый спутник Земли, первый человек за пределами атмосферы...

Очевидно, гриновская романтика в чем-то отвечает духовным запросам времени. Лучшим чертам характера гриновских героев — смелости, благородству, бескорыстию хочется подражать; поучиться любви к природе, самоотверженности в дружбе, чувству прекрасного, умению мечтать и «делать так называемые чудеса своими руками».

Переизданные многотысячными тиражами, книжки писа-

теля-романтика оказывались в туристских сумках и рюкзаках, в чемоданах молодых строителей вместе с самым необходимым. «Алый парус» сделался поэтическим символом. «Бригантиной», одним из быстроходных парусных кораблей, стали именовать себя пионерские дружины и клубы. Ленинградские школьники основали даже свой Зурбаган (неподалеку от Коктебеля), с гостиницей «Колючая подушка», с улицей Пса, а прогулочный катерок был, разумеется, галиотом «Секрет».

В «Корабельной библиотеке» — комнате музея, завершающей экспозицию, освещена тема «Грин и наша современность»*. Здесь собраны книги А. С. Грина, переведенные на все западноевропейские языки, на языки народов СССР и других социалистических стран. Экспонируются пестрые сувениры из разных стран, значки, рисунки юной художницы Нади Рушевой, стихи трагически погибшего школьника Миши Гринина из Волгограда.

Энтузиазмом пионеров и комсомольцев сегодняшняя популярность писателя-романтика, конечно, не ограничивается. В его книгах есть «нечто вечно сияющее, необходимое читателю прежнему и новому, старому и молодому»[50].

Следует подчеркнуть, что Грин — ярко выраженный антимещанский писатель. Он помогает бороться с пошлостью, корыстолюбием, малодушием, со всеми проявлениями мещанского эгоизма. Его книги можно найти в личной библиотеке рабочего и ученого, они из тех, что бывают необходимы любому из нас. Писатель Д. Гранин так сказал об этом свойстве гриновской романтики: «Когда дни начинают пылиться и краски блекнут, я беру Грина. Я открываю его на любой странице, как весной протирают окна в доме. Все становится светлым, ярким, все снова таинственно волнует, как в детстве»[51].

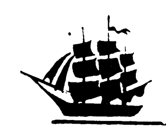
* Экспонаты старокрымского периода жизни А. С. Грина повторены в филиале музея в Старом Крыму, описание которого дано во втором разделе очерка-путеводителя.

С похожим ощущением заканчивается и наша прогулка по музейной «Гринландии». Пять ступенек ведут в так называемый «Якорный дворик» — выгороженный из общего двора невысоким штакетом квадрат пространства, украшенного цепями и якорями. На дворике растут четыре невидных акации, розы, стоят скамьи. Из записок Грина узнаем о другой скамейке, попроще: «...я положил перо, ушел во двор и сел на скамейку, которую мы поставили около кухонной двери. Было темно и тихо. Уже все легли спать...»[52]. Здесь ему хорошо размышлялось.

А. С. Грину, романтику удивительному и необычному, одолевать житейские обстоятельства помогала вера, высказанная однажды скромно и с достоинством: «Знаю, что мое настоящее будет звучать в сердцах людей»[53].

„ТИХИЙ ДОМИК, СТАРЫЙ КРЫМ...“

НА «ДАЧЕ» ШЕМПЛИНСКИХ

Летние месяцы 1929 года Грины провели в Старом Крыму. Очевидно, уже тогда зрело решение окончательно расстаться с Феодосией. Нездоровье Александра Степановича (вдобавок ко многим прежним недугам врачи определили у него зарубцевавшийся туберкулез), жажда уединения и надвигающаяся нужда заставили искать более подходящего места, чем шумная и дорожающая курортная Феодосия.

К этому времени Грин жил на новой, третьей по счету феодосийской квартире, по Верхне-Лазаретной улице, 7 (теперь — ул. Куйбышева, 31). Это одноэтажный кирпичный угловой дом. Угол, выходящий на перекресток, срезан плоскостью, из среза глядит глухая парадная дверь с каменным порогом и ступенями на тротуар. Далеко от моря, далеко от рынка. Упоминание об этом доме есть в письме Грина И. А. Новикову от 3 ноября 1929 года: «...не написал Вам доселе лишь по причине угнетенного состояния, в каком нахожусь уже два месяца. Я живу, никуда не выходя, и счастьем почитаю иметь изолированную квартиру. Люблю наступление вечера. Я закрываю наглухо внутренние ставни, не слышу и не вижу улицы»[54].

Причина переселения Грина с Галерейной понятна: сужающиеся материальные возможности.

Старый Крым очень понравился, и сам городок, и окрестности с ореховыми рощами, с ключами, бьющими из земли, с лесом на горе Агармыш, с лесистыми горами на юге, за которыми, если пройти километров двенадцать проселком, все-таки есть море...

Пребывание на «даче» Шемплинских отражено в рассказе писателя «История одного ястреба». Можно прочесть, что «дом стоял в цветочном и фруктовом саду», где привезенный из Феодосии ручной крымский ястребок, или кобчик, по имени Гуль, как сказано, «переживал очарованье, понятное даже нам, людям: сад, горный воздух, горы вдали, небо...»[55].

Еще и сегодня можно видеть «дачу» Шемплинских (ул. Свободы, 1) на южной окраине города. Дача — слишком громко сказано. Это небольшой саманный дом с двускатной железной крышей, построенный агрономом Шемплинским в 1919 году. Тогда же был посажен и сад. Грины снимали комнату о двух окнах, на восток и на юг. Дом стоит посредине сада, обнесенного живой изгородью — зарослью подстриженной маклюры; рядом с домом растет большой орех в темно-зеленом кольце бордюра из буксуса, редкого в восточном Крыму; у ворот старый тополь — все почти так, как было памятным летом 1929 года. Восьмидесятилетняя вдова Шемплинская, Мария Васильевна, хранит в памяти несколько драгоценных эпизодов из жизни писателя.

Эти крупицы — несколько светлых добавлений к портрету. Она ревниво оберегает их от искажений, дорожа памятью Грина как чем-то очень своим, личным. Вот они, эти крупицы.

«Запомнился цвет лица, — рассказывает Мария Васильевна. — Нездоровый, землистый. Жесты скупые. Чужих здесь не было, держался свободно, самим собой. Часто улыбался. Его «выдавало» выражение глаз: то высокомерное, то детски доверчивое. Чувствовалось: человек честный, негнущийся, ни на какую фальшь не пойдет».

«Я составляла букет из роз для Александра Степановича. Старалась, чтобы все розы были одинаковы, почти в бутонах. Нечаянно срезала распустившуюся и говорю: «Она уже совсем мертвая». Александр Степанович (он был рядом), улыбаясь, сказал на это: «Мария Васильевна, все цветы хороши!»

«Моя дочка Бианка, полутора лет, бегает по саду, говорит: «Па!» (дескать, падай!). Александр Степанович со всего

роста валится в траву, ребенок забирается ему на спину, оба очень довольны друг другом».

«Запомнилась одна его фраза — своей необычностью и серьезным тоном. По какому поводу была сказана, уж и не помню, а звучит так: «Мы, матушка, или всей душой, или — всей спиной к людям».

«ЭТОТ СКАЗОЧНИК СТРАННЫЙ...»

23 ноября 1930 года, на зиму глядя, но все-таки в день с так называемым счастливым числом — здесь он еще мог выбрать*, — Грин окончательно переселяется в Старый Крым. Несмотря на холодный моросящий дождь, Александр Степанович пошел пешком, с подводами. Женщины, Нина Николаевна с матерью, отправились на автобусе: Грин бы не согласился иначе.

Сняли квартиру в длинном кирпичном доме (по ул. Ленина, 102). Здесь перезимовали и прожили почти всю весну.

В апреле Александр Степанович затеял одиночную прогулку через лес и горы в Коктебель, к морю. Дорога эта, надо сказать, нелегкая. Грин рассказал о ней в письме к И. А. Новикову. Нездоровье и настроение автора чувствуются в нескольких строчках пейзажа, — очень своеобразная и очень «гриновская» зарисовка горной дороги восточного Крыма: «Я шел через Аметскую долину, диким и живописным путем, но есть что-то недоброе, злое в здешних горах, — отравленная пустынная красота. Я вышел на многоверстое сухое болото; под растрескавшейся почвой кричали лягушки; тропа шла вдоль глубокого каньона с отвесными стенами. Духи гор показывались то в виде камня странной формы, то деревом, то рисунком тропы. Назад я вернулся по шоссе, сделав 31 версту. Очень устал и понял, что я больше не путешественник, по крайней мере — один...»[57].

В середине мая Грины переселились несколькими квар-

---

* Н. Н. Грин рассказывает: «Все знаменательные дни своей жизни Александр Степанович приурочивал к цифре «23», которую считал для себя счастливой: 23 августа 1880 года — его рождение; 23 июля 1896 года — отъезд в Одессу; 23 марта 1900 года — на Урал... 23 февраля 1921 года по старому стилю мы с ним поженились»[56].

талами ближе к лесу, на квартиру в частном домике по ул. Октябрьской, 55. Угловой низкий саманный дом, квартира северная, одно из окон упиралось в деревянный колодезный сруб. (Дом этот не сохранился, на его месте выстроен новый.)

В Старом Крыму Грин продолжает работу над «Автобиографической повестью», начатой еще в 1930 году, на последней феодосийской квартире. Книга складывалась из отдельных автобиографических очерков: «Бегство в Америку», «Охотник и матрос», «Одесса», «Севастополь»... Первоначально автор хотел назвать книгу «Легендой о Грине». В названии был оттенок иронии. «Собратья по перу», бывало, выдумывали, что Грин, дескать, плавая матросом, убил английского капитана и прихватил ящик с рукописями, которые переводит и печатает как свои сочинения, что он скрывает знание английского языка, и т. д. «Обо мне, — говорил писатель, — всю жизнь так много рассказывали небылиц, что не поверят написанной истине, так пусть же это будут легенды»[58].

Нина Николаевна свидетельствует, что Грин писал повесть с великим неудовольствием. «Сдираю с себя последнюю рубаху», — были его слова. Он собирался засесть за автобиографические воспоминания попозже, в самом конце пути, когда почувствует, что «иссяк как художник».

Но художник был еще в силе. Александр Степанович продолжал вынашивать новый роман «Недотрога», также задуманный в Феодосии. Это должно быть повествованием о «недотрогах» — натурах с повышенной чувствительностью к воздействиям внешнего мира, деликатных, отзывчивых и ранимых. Как некие чудо-цветы, они увядают от грубого прикосновения.

Грин очень дорожил новым замыслом. В письме к Новикову (11 февраля 1931 года) он сообщает, как движется дело: «Теперь взялся за «Недотрогу». Действительно, это была н е д о т р о г а, т. к. сопротивление материала не позволило подступиться к ней больше года. Наконец, характеры от-

стоялись; странные положения приняли естественный вид, отношения между действующими лицами наладились, как должно быть. За пустяком стояло дело: не мог взять верный тон. Однако наткнулся случайно и на него и написал больше $1\frac{1}{2}$ листов»[59].

Имена действующих лиц «Недотроги» предполагались все те же необычные, гриновские. Верность себе как художнику Грин сохранил до конца.

«Автобиографическая повесть», эта «последняя рубаха», на время выручила семью из трудного положения: отдельные главы повести, при дружеском содействии Н. С. Тихонова, начали публиковаться в журнале «Звезда» — во втором, третьем, четвертом и девятом номерах за 1931 год.

Однако в августе Грину снова пришлось побывать в московских редакциях. Добыв немного денег, он возвратился уже серьезно больным и слег окончательно.

«Он жил среди нас, этот сказочник странный...»[60].

Неправдоподобно, чтобы в глухой зиме тогдашнего Старого Крыма квартировал неведомый соседям летающий человек. Чтобы на его столе рядом с керосиновой копотной лампой, невидимое сквозь стены, лежало перо Жар-птицы. «Он жил среди нас...»

Только — сказочник ли?

Вообще говоря, к сказке можно причислить все, что так или иначе не есть быль. Волшебная логика сказки звучит так: «Вдруг откуда ни возьмись...» У Грина ничего подобного не случается. Одно событие вытекает из другого по законам живой жизни. «Так как я пишу вещи необычные, то тем строже, глубже, внимательнее и логичнее я должен продумывать внутренний ход всего», — объяснял автор. К. Паустовский высказался в том смысле, что рассказы Грина всего лишь «напоминают сказки...» Надо думать, дружественная критика приписала его к сказочникам, чтобы примирительно аттестовать в неспокойном литературном мире[61]. Противники тоже не возражали, поскольку титулом сказочника умалялось, по их мнению, значение его фантазий.

Возражал только сам «сказочник». Был эпизод в гостях, обмен фразами с писателем Б. Пильняком. Нина Николаевна передает случай таким описанием: «Что, Александр Степанович, пописываете свои сказочки?» Вижу, Александр Степанович побледнел, скула у него чуть дрогнула (признак раздражения), и он ответил: «Да, пописываю, а дураки находятся — почитывают». И больше во весь вечер ни слова с Пильняком»[62].

Сказочник? Если — да, то довольно странный. Странный настолько, что, пожалуй, уже и не сказочник вовсе.

Если живешь в Старом Крыму, невозможно время от времени не задумываться о Грине. В здешних местах его облик все еще на памяти очевидцев. Вспоминают высокую фигуру истощенного человека с лицом в крупных складках.

Видели, как он, смастерив себе лук со стрелами, отправлялся за речку, к недальним холмам — поохотиться...

Окрестность со стороны речки и сегодня очень картинна: темные купы ореховых деревьев вперемежку с бледной сквозистой зеленью старых верб, — издали они кажутся клубами желто-зеленого дыма — над ними шумят высокие тополя. Сама речушка укрыта колючей порослью ежевики, шиповника, боярышника, кусты жмутся к воде, почти сползают в нее с обоих берегов и переплетаются так, что невозможно пройти.

В этих местах и теперь больше ворон да сорок, чем какой-нибудь другой птицы, если, конечно, не считать мелких пичуг из отряда воробьиных.

Н. Н. Грин рассказывала: Александр Степанович заготовлял для своих луков столько кизиловых и ореховых палок, что часть запасов шла потом для растопки печи.

Так чем же была она, эта охота? Проверкой на местности очередного придуманного сюжета? Или — «детское живет в человеке до седых волос» (его слова)? Или же в самом деле — неловкой попыткой добыть что-то к столу таким ненадежным способом?

Было, наверно, и то, и другое, и третье. Еще в 1924 году

Грин, по свидетельству К. Паустовского[63], так ответил на вопрос о своих домашних занятиях:

— Стреляю из лука перепелов в степи под Феодосией, за Сарыголом. Для пропитания.

«Нельзя было понять — шутит он или говорит серьезно», — добавляет от себя Паустовский. Позднее, однако, описывая старокрымский период жизни Грина, Паустовский говорит о луке и стрелах с полной определенностью.

Особо тяжелое положение романтика в тогдашнем Старом Крыму, которое сам Грин определял как «безусловно трагичное», неприспособленность к суровым реальностям быта, отличавшая писателя, как мы видели, на протяжении всей жизни, — все это постепенно складывалось в образ «Последнего лучника», и стихотворение под таким названием появилось на страницах еженедельника «Литературная Россия»[64].

Поэтическая легенда? Пусть так. Пусть будет еще одна легенда об А. С. Грине — «Последнем лучнике».

Старый Крым, ты был Киммерион,
он исчез, осталось только слово.
Киммерийский лучник был силен,
жил охотой, бил врага любого.

В тридцать первом — помнишь, Старый Крым? —
кто шашлык, а кто слюну проглатывал.
Славный Грин стрелу на лук накладывал,
бил ворон за речкой хмурый Грин.
Чьей судьбой история вертнула...
Киммерийский лук ему вернула.

«Жить живи, а кабана держи», —
был закон тогдашнего уютца.
Что твоя им пища для души?
Анекдотов парой перебьются.

Лук звенит шпагатной тетивой,
а за лесом где-то — бригантина...
Грин, живой, уже он был собой,
автором всех рукописей Грина.

Маревом зрачки его томятся,
светлой верой жив его талант
Каркает вокруг воронье мясо, —
вызволяй матроса, Фрези Грант,
ты куда завеялась?
Он верил,
он узнал тебя сквозь едкий дым.
Над костром шипит, дымится вертел...
Помечтаем, что ли, Старый Крым!

Задремал под кизилом колючим
рыцарь твой, достоинство твое.
Спит последний лучник. Самый лучший.
Кружится над речкой воронье.

...Солнца край окрасил небосклон,
парк с кинотеатром «Бригантина».
Кто-то вспомнит лук и стрелы Грина,
чтоб вернуть назад, в Киммерион.

ИЛЛЮЗИЯ ПРИСУТСТВИЯ

Болезнь всю зиму держала Александра Степановича в постели. Когда возвращались силы, снова работал. Только работа скрашивала угрюмые зимние месяцы. Работа да еще сознанье, что рядом — преданная душа, близкий человек, который вот уже одиннадцать лет делит с ним горе и радость. Ежегодно в день свадьбы Грин посвящал жене стихотворение. То же было в последний раз, 7 марта 1932 года. Приведем заключительное четверостишие:

Я болен, лежу и пишу, а она
Подглядывать к двери подходит.
Я болен, пишу, но любовь не больна,
Она карандаш этот водит[65].

Низкое окно на север удручало. Взгляд упирался в сруб колодца с ведром на веревке. Хотелось зелени, солнца. Нина Николаевна решила обменять давний подарок Александра Степановича — свои золотые часики — на глинобитный домишко с южным окном, и 7 июня перевезла тяжело больно-

го в новое, не чужое жилище — в первый за его жизнь настоящий домик посреди сада.

Июнь. На улице Урицкого, перед домиком № 56, отцветают акации. Гроздья полуосыпались, и пространство перед калиткой усеяно желтоватым сухим цветом. Он застревает в траве придорожных кюветов, набивается в колеи.

Домик стоит в глубине сада. Здесь Грин прожил свой последний месяц, вплоть до 8 июля 1932 года. Сад выглядит почти так же, как в те далекие дни («сад был запущен, зарос густой травой и дикими маками»). Его не перепахивают, слишком не обрезают, оставляя разрастаться свободно. В траве там и сям полевые цветы — ромашка, цикорий, мак-самосейка.

Если еще представить на месте сегодняшнего новенького штакетника низкую неровную стенку из камня, сложенного на глине, а в домике — земляные полы, то «иллюзия присутствия» станет почти полной.

На вопрос Нины Николаевны, нравится ли здесь, Грин, по ее словам, ответил: «Очень. Давно я не чувствовал такого светлого мира. Здесь дико, но в этой дикости — покой. И хозяев нет»[66].

При жизни писателя сад был пошире. На соседнем участке очутился теперь «мемориальный» грецкий орех — причудливо изогнутое старое дерево. Так, двумя мощными ветками из самой земли, почти без ствола, вырастает дерево от свободно брошенного орехового ядра, если только росток не подправят обрезкой (бывает, что из земли «кустом» поднимаются три, а то и четыре ветки).

Грин любил это дерево: «Вот здесь-то я и напишу свою «Недотрогу», под этим орехом, как в беседке»[67].

Однако под этим орехом, подальше от дома, где лежал больной, пришлось совещаться врачам. Они согласно определили — рак, «далеко зашедший случай», операция бесполезна. Это был приговор...

Летом домик весь в зелени. С одной стороны входной двери вьется виноградная лоза, с другой — розы. Перед

фасадом, слева от окна, зацветает старый куст сирени, задний угол дома до самой крыши густо увит плющом.

В доме две комнаты. Направо — экспозиционная: фотографии, воскрешающие жизнь Грина в Старом Крыму, портреты писателя, документы, первые издания книг, автографы... Налево — его комнатка. Здесь он жил и здесь умер, — художник, подобных которому, по свойству воображения, всегда были считанные единицы. Сам А. С. Грин любимейшим из этого ряда назвал бы, конечно, Эдгара По, чей портрет — единственный в комнате! — висит на стене, в простой глубокой рамке-коробке под стеклом.

У широкого трехстворчатого окна стоит застеленная кровать. Точнее — старинная, собранная из толстых железных труб койка на сетке. На полу, ковриком, — барсучья шкура. Слева — узкая простая кушетка, справа в углу стоит знаменитый ломберный столик с изящно выгнутыми ножками, с легкой резьбой по дереву, с квадратом сукна сверху — темно-зеленого, вытертого до предела.

На столе — фотографии А. С. Грина и Нины Николаевны, шкатулка, пресс-папье, несколько безделушек, в том числе пойнтер — чугунная собака от большого письменного прибора («она со мной имеет некоторое сходство», — говорил Александр Степанович).

Рядом с кроватью — тумбочка, на ней — граненый стакан, солонка, тарелка с ложкой и вилкой. Безнадежно больной, Грин продолжал думать о последнем своем романе: «Недотрога» окончательно выкристаллизовалась во мне. Некоторые сцены так хороши, что, вспоминая их, я сам улыбаюсь»[68]. На окне — пепельница, в ней лежит толстый деревянный мундштук. Еще, чтобы всегда под рукой, на окне звонок вызова. Ваза, в которой стоят розы.

И, наконец, — часы-будильник, тяжелая прямоугольная коробка с ручкой сверху, с белым эмалированным циферблатом. «Не люблю я здесь одну вещь, — сказал Александр Степанович про этот будильник. — Он не возвращает прожитых мгновений...»[69].

Всю жизнь, до последних мгновений, вобрали в себя книги Александра Степановича Грина; они-то и возвратили его нашему времени.

На старокрымском кладбище — скромная могила писателя. Ограда и деревце в ней — слива — почти всегда разубраны красными пионерскими галстуками, вымпелами с восторженным текстом и другими похожими свидетельствами прочного, искреннего признания.

И — стихи. Не удивительно, что гриновская волшебная проза побуждает к стихам, к поэзии. Стихи в книгах отзывов, в школьных тетрадях, в дневниках, в частном письме и в книжке поэта.

Закончим и мы этот краткий очерк строчками из стихотворения «Звук прекрасный, имя Грина», опубликованного молодежным журналом «Смена»[70].

Сколько надо было казней,
зависти, наветов, козней,
веры в правду безотказной,
ранней смерти, славы поздней,
чтоб возник под этим небом,
небом из аквамарина,
твоим небом, Киммерия,
звук прекрасный —
имя Грина,
мир из выдумки и правды,
мир блистающий, мир добрый,
колыбелька и некрополь —
тихий домик, Старый Крым...

ПРИМЕЧАНИЯ. ИСТОЧНИКИ

1 Э. Арнольди. Беллетрист Грин... В кн: «Воспоминания об Александре Грине», составитель В. Сандлер, Лениздат, 1972, стр. 278. В дальнейшем название книги приводим сокращенно: «Воспоминания...»

2 Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 343; Л. Михайлова. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество. «Художественная литература», М., 1972, стр. 162.

3 Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 347.

4 А. Поляков. Открытки из «Гринландии». «Книжное обозрение», № 47, 1974.

5 В мире известно лишь несколько музеев, открывающих посетителю жизнь литературных героев — скажем, Тома Сойера и Гека Финна, героев сказок Андерсена. В Лондоне, на улице Бейкер-Стрит, есть мемориальная квартира Шерлока Холмса, обставленная в соответствии с описанием Конан-Дойля в его прославленных рассказах. Феодосийский музей А. С. Грина, открывая «Гринландию», в то же время дает наиболее полное представление о жизни и о творчестве самого писателя.

6 Ю. Олеша. Писатель-уник. В. кн.: «Воспоминания...», стр. 138.

7 Ф. Стивенсон и Р. Л. Стивенсон. Жизнь на Самоа. М., «Мысль», 1969.

8 Л. Михайлова. Александр Грин. Жизнь, личность, творчество, стр. 163.

9 Э. Арнольди. Беллетрист Грин... В кн.: «Воспоминания...», стр. 290—291.

10 Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 348—349.

11 Там же, стр. 348.

12 Э. Арнольди. Беллетрист Грин... В кн.: «Воспоминания...», стр. 286. Не все, конечно, равноценно в гриновском наследии. Есть вещи, в особенности петербургского периода жизни писателя, написанные как бы второпях. «Я думаю, их можно объяснить нуждой,— говорит Г. Шенгели.— Существовал, например, в Петербурге маленький журнальчик Богельмана и Зайцева. Там платили по пять рублей за рассказ, не читая его. В этот журнал и писал

время от времени Грин. Иногда — прямо на извозчике» (О. Воронова. Рассказ Георгия Шенгели. В кн.: «Воспоминания...», стр. 320).

[13] Константин Паустовский свидетельствует, как Новиков-Прибой, еще не создавший «Цусимы», но уже автор повестей и рассказов, произнес, глядя вслед удаляющемуся Грину: «Большой человек! Заколдованный. Уступил бы мне хоть несколько слов, как бы я радовался! Я-то пишу, честное слово, как полотер. А у него вдохнешь одну строчку и задохнешься. Так хорошо». (Константин Паустовский. Одна встреча. В кн.: «Воспоминания...», стр. 309).

[14] В кн.: «Воспоминания...», стр. 537—538.

[15] Вадим Ковский. Будь заодно с гением... «Новый мир», 1974, № 1, стр. 234—237.

[16] Вл. Сандлер. Вокруг Александра Грина. В кн.: «Воспоминания...», стр. 422.

[17] А. С. Грин. Автобиографическая повесть. В кн.: «Воспоминания...», стр. 22.

[18] А. С. Грин. Письмо С. А. Венгерову. В кн.: «Воспоминания ..», стр. 149.

[19] А. С. Грин. Автобиографическая повесть. В кн.: «Воспоминания...», стр. 35.

[20] Вл. Сандлер. Вокруг Александра Грина. В. кн.: «Воспоминания...», стр. 428.

[21] Самый характер революционно-пропагандистской работы Гриневского освещен в работах В. Россельса (Из неизданного и забытого. В кн.: «Литературное наследство», т. 74, М., «Наука», 1965, стр. 632—637), В. Вихрова (Рыцарь мечты. В кн.: «А. С. Грин. Собр. соч. в 6-ти т.», т. 1, М., «Правда», 1965, стр. 9—11), В. Ковского (Романтический мир Александра Грина. М., «Наука», 1969, стр. 89—93; Будь заодно с гением..., «Новый мир», 1974, № 1, стр. 239—240), В. Сандлера (Вокруг Александра Грина. В кн.: «Воспоминания...», стр. 429—436).

[22] В кн.: «Воспоминания...», стр. 441.

[23] Там же, стр. 485—486.

[24] «Журнал журналов», 1915 № 5, стр. 8.

[25] В. Вихров. Рыцарь мечты. В кн.: «А. С. Грин. Собр. соч. в 6-ти т.», т. 1, стр. 14—16.

[26] В кн.: «Литературное наследство», т. 74, стр. 650—653.

[27] В кн.: «Воспоминания...», стр. 515.

[28] Л. Борисов. Александр Грин. В кн.: «Воспоминания...», стр. 276.

[29] А. С. Грин. Алые паруса. В кн.: «Александр Грин. Белый шар», М., «Молодая гвардия», 1966, стр. 456—457.

[30] В. Панова. Заметки литератора. Л. «Советский писатель», 1972, стр. 130—131.
[31] Ю. Олеша. Писатель-уник. В кн.: «Воспоминания...», стр 316.
[32] Е. Н. Прохоров. Александр Грин. М., «Просвещение», 1970, стр. 58.
[33] В. Ковский. Романтический мир Александра Грина, стр. 11.
[34] О. Воронова. Поэзия мечты и нравственных поисков. «Нева», 1960, № 8, стр. 146—147.
[35] В кн.: «Литературное наследство», т. 74, стр 647.
[36] А. С. Грин. Собр. соч. в 6-ти т., т. 1, стр. 279.
[37] Там же, т. 6, стр. 9.
[38] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 354.
[39] А. С. Грин. Собр. соч. в 6-ти т., т. 5, стр 4.
[40] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 404.
[41] Ю. Олеша. Писатель-уник. В кн.: «Воспоминания...», стр. 314.
[42] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 398.
[43] К. Паустовский. Черное море. Симферополь, «Таврия», 1973, стр. 9.
[44] Л. Михайлова. Александр Грин, стр. 184.
[45] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр. 374.
[46] В кн.: «Воспоминания...», стр. 533.
[47] А. С. Грин. Собр. соч. в 6-ти т., т. 5, стр. 281.
[48] Послесловие к романам «Золотая цепь» и «Дорога никуда», Л., Детгиз, 1957, стр. 379 (из воспоминаний писателя В. Дмитриевского).
[49] Там же.
[50] В кн.: «Воспоминания...», стр. 565.
[51] Там же, стр. 566.
[52] Архив ЦГАЛИ.
[53] Л. Михайлова. Александр Грин, стр 148.
[54] В кн.: «Воспоминания...», стр. 555.
[55] А. Грин. История одного ястреба. М., «Детская литература», 1963, стр. 15—19.
[56] Там же, стр. 394.
[57] В кн.: «Воспоминания...», стр. 558.
[58] Там же, стр. 380.
[59] Там же, стр. 557—558.
[60] Первая строка стихотворения В. Саянова.
[61] Например, в известной статье Марка Щеглова «Корабли Александра Грина» сказки (и не простые!) названы, но лишь одним

из «слагаемых» при определении гриновского творчества: «Но в большинстве своем произведения Грина — это поэтически и психологически утонченные сказки, новеллы и этюды...»

[62] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн: «Воспоминания...», стр. 389.

[63] К. Паустовский. Одна встреча. В кн.: «Воспоминания...», стр. 308.

[64] Н. Тарасенко, цикл стихотворений «След Одиссея», «Литературная Россия», № 135, 30 августа 1968 г.

[65] Архив ЦГАЛИ.

[66] Н. Н. Грин. Из записок об А. С. Грине. В кн.: «Воспоминания...», стр 389.

[67] Там же, стр. 372.

[68] Там же, стр. 389.

[69] Там же, стр. 392.

[70] Н. Тарасенко, цикл стихотворений, журнал «Смена», 1972, № 15.

СОДЕРЖАНИЕ

МУЗЕЙ А. С. ГРИНА В ФЕОДОСИИ

открыт с 10 час. до 18 час. 30 мин.,
перерыв — с 12 час. 30 мин. до 14 час.
Выходной — вторник.

ФИЛИАЛ МУЗЕЯ В СТАРОМ КРЫМУ

открыт с 10 до 17 час.,
перерыв с 13 до 14 час.
Выходной — четверг.

Николай Федорович Тарасенко

ДОМ ГРИНА

Очерк-путеводитель по музею А. С. Грина в Феодосии и филиалу музея в Старом Крыму

Редактор С. К. Сосновский
Художник В. В. Купчинский
Фото Л. Н. Яблонского
Художественный редактор В. А. Моисеенко
Технический редактор Н. Д. Крупская
Корректор С. А. Павловская

Сдано в набор 5.IX 1975 г. Подписано к печати 10.II 1976 г. БЯ 03017. Бумага типографская № 1. Формат 70×100 1/32. Объем: физ. п. л. 2,0, усл. п. л. 2,60, уч.-изд. л. 2,97. Иллюстрации на мелованной бумаге: усл. п. л. 0,65, уч.-изд. л. 0,61. Тираж 100.000 (1—50 000) экз. Заказ № 158. Цена 26 коп.

Издательство «Таврия», Симферополь, ул. Горького, 5.

Типография издательства «Таврида» Крымского обкома Компартии Украины. Симферополь, проспект Кирова, 32/1.

Цена 2[illegible] коп. -50.

